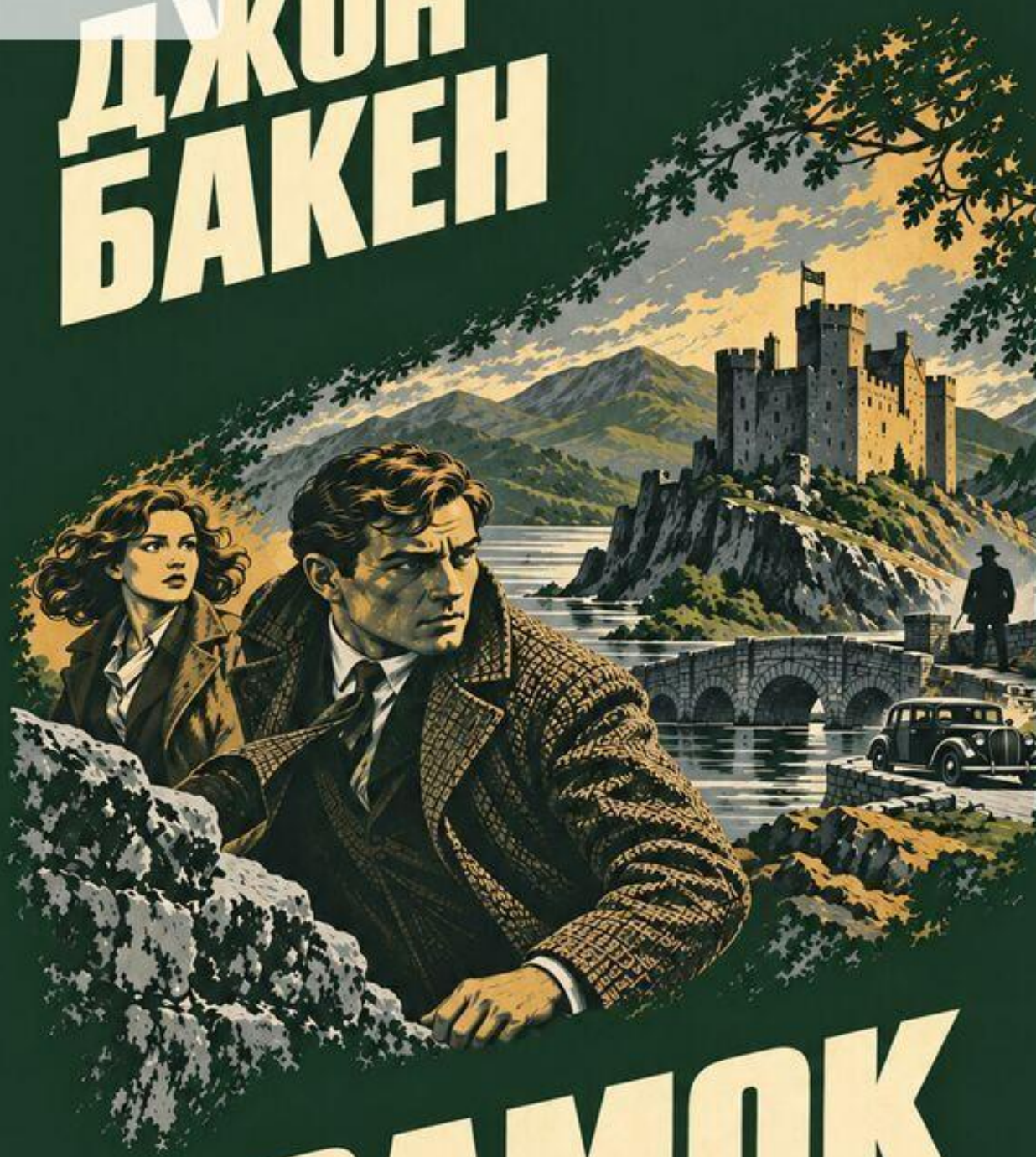

18+

ДЖОН
БАКЕН

ЗАМОК
ГАЙ

Джон Бакен

Замок Гай

«Издательские решения»

Бакен Д.

Замок Гай / Д. Бакен — «Издательские решения»,

«Замок Гай» (1930) — второй роман Джона Бакена о Диксоне Макканне. Спокойная поездка по Шотландии внезапно оборачивается политическим приключением: газетный магнат оказывается втянут в борьбу за власть в вымышленной Эваллонии. Заговоры, переодевания, риск и газетные интриги превращают роман в стремительную смесь приключения и политической сатиры.

Содержание

Шпионская коллекция	6
Читальня	6
Галерея	7
Расследование	8
Замок Гай	9
Глава 1, рассказывающая о трёхчетвертном регбисте	9
Глава 2, которая представляет нам великого человека в беде	18
Глава 3, о Бэк-хаусе у озера Гэррох	27
Глава 4, о разведке у замка Гай	34
Глава 5, знакомящая нас с дамой	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Замок Гай

Джон Бакен

Переводчик А. Владимирович

Дизайнер обложки А. Владимирович

© Джон Бакен, 2026

© А. Владимирович, перевод, 2026

© А. Владимирович, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-3037-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шпионская коллекция

Читальня

Бакен Д. Охотничья башня
Мьюр Р. Тайна старой усадьбы
Ле Кё У. Шпионы кайзера
Бакен Д. Замок Гай
Уайт Ф. М. Романтика фонда Секретной службы
Клоустон С. Шпион в черном
Бидинг Ф. Семеро спящих

Галерея

Провалы и катастрофы Слау-Хауса: путеводитель по романам
Мика Геррона

Шпионы учатся готовить: путеводитель по творчеству Лена
Дейтона

Расследование

Киплинг, Семенов и Большая игра: литературное и шпионское противостояние России и Британии

Замок Гай

*Эту комедию я посвящаю сэру Александру Гранту,
баронету, владельцу ручьёв Лоджа и Релуги,
в знак величайшей признательности и любви.*

*С более ранними приключениями Диксона МакКана, Дугала и
Джейки вы можете ознакомиться в романе «Охотничья баиня»
Д.Б.*

Глава 1, рассказывающая о трёхчетвертном регбисте

Мистер Диксон МакКан отложил газету, снял с носа очки и протёр их платком в белую и синюю полоску.

— Это будет великолепный матч, мамочка, — заметил он своей жене. — Хорошо бы оказаться там, чтобы увидеть всё собственными глазами. Эти регбисты из команды «Кенгуру», должно быть, очень сильные игроки! — Он задумчиво улыбнулся. — Но и наши парни не так уж плохи, я думаю. Возьми хоть нашего Джейки: ему нет ещё и двадцати лет, а его имя уже то и дело можно встретить в газетах, как будто он какой премьер-министр.

Миссис МакКан, представительная пожилая леди, посмотрела на своего супруга поверх вязания. Взгляд её был безмятежным, но энтузиазма мистера МакКана она не разделяла.

— Я уверена, что Джейки после матча опять вернётся весь покалеченный, с бинтом на голове и с рукой в перевязке. На мой взгляд, регби — это совсем не христианская игра, а узаконенная жестокость к ближнему.

— Да будет тебе, мамочка! Молодёжь её очень любит. Но чтобы победить в ней, требуется заплатить назначенную цену. К тому же, Джейки уже давно не калечился.

То ли это осторожность, которая приходит с годами, то ли он просто набирается опыта. Но пока он учился в школе, ему, действительно, минимум два раза в месяц приходилось вызывать доктора... Ах Джейки, он ведь всегда был таким смелым — не мог и дня прожить, чтобы не подраться! Помнишь, когда он злился, глаза его почему-то наполнялись слезами, и это был знак того, что к нему лучше не приближаться. Теперь-то он вроде уже оставил такую привычку, и разве что бледнеет, когда действительно взволнован... Что ж, ладно! Думаю, у нас у каждого найдётся какая-нибудь странная привычка! Смотри, мамочка, здесь напечатаны биографии всех игроков, и нашего Джейки тоже. Сейчас я тебе зачитаю.

Мистер МакКан снова надел очки.

— Вот здесь про него: «Дж. Голт, родился в Глазго. Получил образование в Западной Академии и колледже св. Марка в Кембридже... Отличился в прошлом году, выступая за команду Кембриджа против Оксфорда, сделав три голевых паса... Это его первый международный матч... Равно превосходен как в атаке, так и в обороне... Возможно, самый непредсказуемый из трёхчетвертных, играющих сегодня...» — тут мистер МакКан снял очки и от души рассмеялся. — В колонке спортивных сплетен его называют «учёным джентльменом». Замечательно! Они так всегда говорят, когда игрок выступает за университетскую команду. Что ж, я могу поручиться, что Джейки — джентльмен не хуже прочих, хотя он и родился в трущобах на задворках улицы Мирнс-стрит. Можно ли его назвать «учёным» — тут я не уверен. Но он умеет добиваться целей, которые ставит перед собой, а его тяга к чтению книг, пожалуй, даже ещё побольше моей. Бог знает, что может выйти из нашего паренька!.. Собственно, это можно сказать про всех мальчишек из компании «Крепких Орешков», но только двоих я люблю будто собственных детей: Джейки и Дугала. Эх, этот рыжеволосый дьяволёнок Дугал! Из него тоже

бог знает, что может получиться! Но я был бы рад, если бы он поменьше увлекался этой его политикой...

— Хотелось бы надеяться, что они не опоздали на поезд, — заметила миссис МакКан. — Ужин подадут в восемь, значит, они должны приехать не позднее половины восьмого. Если, конечно, Джейки не попадёт в больницу.

— Не беспокойся, мамочка, ничего не случится, — был ей ответ. — Скорее в больницу попадут эти самые «Кенгуру». Телеграмму об исходе матча нам принесут в шесть.

И пока его супруга после вечернего чая хлопотала по хозяйству, мистер МакКан улучил момент, чтобы выкурить трубочку, удобно устроившись в плетёном кресле на маленькой веранде с видом на море. Своей нынешней жизнью он был вполне доволен: шесть лет назад он оставил Глазго и поселился в деревне, найдя среди равнин Кэррика именно то спокойствие и уединённость, к которым он всегда стремился. Годы не сильно изменили его, хотя волосы его истончились и вконец поседели, но румяное лицо оставалось по-юношески гладким, а в светлых глазах были всё ещё заметны простодушие и открытость его молодой души. Фигура мистера МакКана слегка постройнела, поскольку свежий воздух деревни и умеренность в еде благотворно повлияли на его склонность к полноте. В одежде он отдавал теперь предпочтение сюртуку и штанам из твида, считая их, по своим детским воспоминаниям, наиболее подходящим костюмом для живущего активной жизнью сельского джентльмена — хотя сторонний наблюдатель, пожалуй, принял бы его в таком обличье за букмекера. Сам несколько смущаясь того, мистер МакКан постепенно выработал у себя привычки, которые, как он считал, были характерны для его нового социального положения: по своему садику он разгуливал, опираясь на ручку тяпки, во вместительных карманах его сюртука всегда можно было найти моток шпагата или садовый нож, и в любой момент он был готов включиться в квалифицированную дискуссию о посевах и урожае — и даже об охоте, хотя никто и никогда не видел его с ружьём, а толстенький спаниель, постоянно сопровождающий его на прогулках, ни разу не приносил своему хозяину подстреленной дичи.

Дом, в котором поселился мистер МакКан, стоял на краю болотистой равнины Кэррика: на запад от него расположилось море, а далеко на востоке голубели пологие холмы Галлоуэя. После долгих колебаний и раздумий мистер МакКан отказался от покупки готового загородного дома и принял решение построить что-то своё — что-то более соответствующее его скромным, но своеобразным вкусам. Прежде всего, он купил около пятисот акров земли — по большей части огороженное невысоким каменным заборчиком пастбище, но там также имелся и кустарник, заросли вереска, и высился небольшой лиственный лесок. Значительную часть земли он сдал в аренду, но сотню акров сохранил за собой для своих собственных упражнений в сельском хозяйстве. Старый фермерский дом из восьми комнат, доставшийся ему вместе с землёй и хозяйственными постройками, он превратил в просторное жилое здание с полудюжиной гостевых спален и огромной гостиной, которая одновременно служила ему библиотекой, курительным салоном и деловым кабинетом. Вкус мистера МакКана, надо признаться, всегда оставлял желать лучшего, потому что он вырос среди сомнительных образцов зодчества. Ему нравились маленькие и круглые, похожие на переносницы башенки, которые он считал символом древности и богатства, а в интерьере он предпочитал (возможно даже излишне) отделку стен панелями из красного дерева, более подходящими не загородному дому, а какому-нибудь паруснику. Вдобавок он чрезвычайно гордился своей аллеей из утрамбованного гравия перед домом. Тем не менее, Блэйвери (таким замысловатым именем он назвал свой новый дом) производил в целом положительное впечатление — в немалой степени из-за того, что был тщательно выбелен и окружён приятно зеленеющим газоном. Если не обращать внимания на гравийную аллею, то лужайки у дома сразу переходили в дальние луга без каких-либо привычных палисадников и огороженных клумб. «Пусть это место и не так хорошо ухожено, как какая-

нибудь площадка для гольфа, — любил говорить мистер МакКан, — но здесь по крайней мере нет ни ярда искусственного газона».

Попыхивая трубочкой, мистер МакКан долго сидел, задумчиво смотря поверх упомянутых лужаек на принадлежащее ему пастбище, где паслись принадлежащие ему коровы, и дальше — туда, где за хвойной рощицей желтел на пустыре папоротник. Ещё дальше за пустырём склон холма сбегал к морю, так что верхушки деревьев у горизонта виднелись уже на фоне морской синевы. Стояла середина октября, но воздух был таким же тёплым, как в июне, и только ранние сумерки напоминали о том, что год близился к концу. Заботливая супруга запрещала мистеру МакКану засиживаться на веранде после захода солнца, но этим вечером он, после курения, незаметно задремал, и когда горничная принесла телеграмму и разбудила его, уже опустились сумерки.

В волнении мистер МакКан даже не сразу отыскал свои очки. Вскрыв конверт, он сначала попытался сам прочесть сообщение, но в полутьме не смог разобрать букв и снова всунул розовый листок телеграммы девушке в руки. «Прочти мне её, милочка, прочти поскорее!» — закричал он, позабыв о всякой сдержанности почтенного домохозяина.

«Приезжаем в семь тридцать, — несколько чопорно зачитала служанка. — Матч выигран с разницей в одно очко».

Услышав сообщение, мистер МакКан вскочил, опрокинув плетёное кресло, и с криками радости побежал искать супругу.

А рассказчику сейчас придётся вернуться слегка назад, чтобы подробнее рассказать о том великом событии, о котором сообщалось в телеграмме. В том году, о котором идёт наш рассказ, наши друзья-антиподы отправили в Британию настолько сильную команду по регби, что у отечественных любителей сердца ушли в пятки, а колени как начали дрожать, так и не переставали. Сила и слава высоких молодых парней из Южного полушария была столь велика и хорошо известна, а также превосходное телосложение, и энергичная и непревзойдённая командная игра. До недавней поры на наших берегах были известны лишь отдельные выдающиеся игроки-австралийцы, а команда в целом была чем-то вроде «тёмной лошадки», поэтому сложно было определить, кто же именно первым прорвётся к финалу. Но в этом году Австралия мощным усилием собрала и выставила на поле пятнадцать спортсменов, которые были уже очень хорошо известны в Британии: четверо из них раньше уже выступали за британские университетские клубы, а ещё трое собрали внушительную коллекцию призов, сражаясь за команды тех стран, которые их приглашали. Какой клуб, графство или нация сможет успешно противостоять такому опытному и опасному врагу? И, как определила жеребьёвка, первой под удар вынуждена была встать Шотландия, которая как раз с трудом выбиралась из череды провальных сезонов.

Удача и доблесть, казалось, отвернулись от нашей древней земли. Шотландцы ещё могли собрать неплохих бойцов в нападении, но её прежде отличная трёхчетвертная линия обороны, которая годом раньше являлась её фундаментом, была ослаблена. Большая часть из пятнадцати членов команды никогда раньше не участвовали в международных соревнованиях и были несыгранными. В команде же «Кенгуру» имелось двое сильных нападающих второй линии, отличавшихся великолепным опытом и владением мяча. Играя в связке со своими трёхчетвертными, они были самыми грозными противниками, когда-либо выходившими на поле. На левом фланге у австралийцев был заявлен Чарвилл — силач, уже выступавший за Оксфордских Синих и за сборную Англии. Справа должен был играть Мартино, прославившийся ранее и как футболист, и как победитель на гоночной трассе. В центре за Австралию одинаково мощно играли два брата Клаусон — неразлучные, словно сиамские близнецы. Против такой четвёрки Шотландия могла наскрести лишь четверо новичков — пусть и многообещающих, но ещё ни разу не пришедших к успеху. Можно сказать, что на поле для регби отлично экипированному войску Тосканских графов должна была противостоять горстка легковооружённых римлян. И

против могучего и ужасного Чарвилла в качестве правого шотландского трёхчетвертного должен был играть Джейки Галт из Кембриджского университета — всего пяти футов шести дюймов ростом и худенький, словно трясогузка.

Для шестидесяти тысяч зрителей, ожидавших выхода команд на поле, судьба послала лишь одно утешение: погода, ясная и солнечная в Блэйвери, в остальной Шотландии — и также в Глазго — была отвратительной. Всю предыдущую ночь шёл дождь, и болельщики надеялись, что земля на стадионе размякла, и игра будет происходить в грязи — столь дорогой сердцам наших островитян, и столь ненавистной австралийцам, привыкшим к твёрдой почве своего засушливого континента.

Первые минуты игры, начавшейся при мелком морозящем дожде, обернулись для Шотландии катастрофой. После первой схватки за мяч в центре площадки, им завладел полузащитник австралийцев, отправивший мяч номеру шестому. Тот передал пас Клаусону, а затем Мартино обегал фланг противника, увернулся от шотландского защитника и уложил мяч в зачётную зону нашей команды. Не прошло и пяти минут, как «Кенгуру» уже лидировали с пятью очками.

Придя в себя после первого шока, за дело взялись шотландские нападающие, и наша команда перешла к обороне. Шотландский защитник со штрафного нанёс дальний удар по воротам австралийцев, но промахнулся, и в остальном большая часть игры происходила на половине команды Шотландии. Игроки боролись изо всех сил, но были способны лишь сдерживать своих противников. Затем снова последовал быстрый рывок одного из братьев Клаусонов, умный прорез и попытка, закреплённая между стойками и легко реализованная. Счет стал десять-ноль.

Болельщиков охватило уныние такое же серое, какой сделалась погода: дождь прекратился, зато выполз лёгкий туман. Последовал период скучной игры и постоянных попыток прорыва, которые австралийцы легко блокировали. Незадолго до перерыва робкая надежда зажглась в сердцах зрителей, когда шотландский трёхчетвертной, некто по фамилии Смейл, вдруг перехватил пас австралийцев и попытался достичь половины поля противника — но он тут же был сбит с ног рванувшимся к нему сзади Мартино. Однако, наш игрок был близок к успеху, и перерыв прошёл со слабой надеждой на то, что у шотландской команды есть ещё шанс предотвратить неминуемое поражение.

Второй тайм начался с трёх очков в пользу Шотландии, обеспеченных пенальти. Также и у шотландских нападающих, похоже, открылось второе дыхание: они неудержимо дриблинговали и даже перенесли игру на половину поля противников. Белая форма австралийцев была теперь перепачкана в грязи, шотландцы же в своих тёмно-синих футболках выглядели менее потрёпанными — все, кроме Джейки Галта. Его обязанностью на поле была защита, и он предавался ей с отчаянным и непоколебимым отчаянием, как к себе, так и к противнику. Футболка его была уже наполовину разорвана на спине, а спортивные трусы пришлось подвязывать ленточками; Джейки сильно хромал, а его лицо выглядело так, будто его уже несколько раз вминали в родную грязь. Время от времени Джейки крутил головой, словно у него было лёгкое сотрясение мозга; себя он чувствовал каким-то заторможенным и поглупевшим. Всю игру его козырем была мобильность: незамеченный никем, он внезапно оказывался в самой гуще схватки, словно новое воплощение Арнольда фон Винкельрида, швейцарского героя, в битве при Земпах отразивший своей грудью удары множества австрийских копий.

Нападающим нашей команды уже не раз удавалось вынести мяч на половину противника, но правильно обработать пока не получалось: они либо теряли мяч во время паса, либо их атаку перехватывали, и сразу же вслед за этим австралийцы всегда проводили ответный пас вперёд или сразу же удар по воротам. Шотландские нападающие, можно сказать, постоянно чувствовали врага за своей спиной, и не могли противостоять ему. Смертоносная атака команды «Кенгуру» в любой момент готова была снова прокатиться по полю.

Но вдруг шотландцы получили один из тех подарков судьбы, которые и делают регби такой замечательной игрой. В общей схватке неподалёку от центральной линии мяч выкатился под пятку австралийскому полузащитнику, но тот промахнулся с ударом, и прежде чем он смог прийти в себя, мяч у него отобрал шотландский полузащитник. Он передал его Смейлу, а тот сделал пас левому центральному игроку шотландцев, некоему Моррисону, студенту из Оксфорда, до того ничем себя ещё не проявившему. Этому Моррисону посчастливилось иметь перед собой участок чистого поля, а бегать он умел хорошо, и к бурному восторгу зрителей, он, увернувшись от защитника «Кенгуру» аккуратным разворотом, забил в угол линии вражеских ворот. Попытка была чудесным образом реализована, и счёт стал десять-восемь. До конца игры оставалось ещё четверть часа.

Игра, и без того драматическая, теперь достигла эпического противостояния. История, казалось, вернулась к тому знаменитому моменту столетней давности, когда школяр Уильям Вебб Эллис, как написали в газетах, «впервые взял мяч в руки и побежал вперёд», после чего и родилась игра регби. Австралийцы, подобно Эллису, вовсе не желали выпускать победу из рук: все они, как один человек, преследовали лишь одну цель — удержать преимущество. Их великолепная трёхчетвертная линия, на какое-то время, казалось, дрогнувшая, почти театрально вернулась теперь в борьбу. После розыгрыша на половине поля австралийцев мяч ушёл их полузащитнику, а от него к Мартино. Шотландцы в эту секунду стояли слишком широко, чтобы перекрыть проход их противнику. Мартино увидел перед собой отличный шанс и не преминул им воспользоваться. Но Моррисон хорошо справился и передал мяч полузащитнику, который пнул его вперёд на левый фланг — прямо в ноги Чарвиллу. Тут же подхватив мяч, тот устремился вдоль боковой линии на половину шотландцев, имея впереди лишь правого трёхчетвертного. Трибуны замерли: исход схватки казался предрешённым. Невысокий Джейки Галт, пока что вовсе не замеченный в скоростных пробежках, никак не мог противостоять несущемуся на него крепкому австралийцу.

Если бы Джейки был на шесть дюймов выше, то он точно бы потерпел неудачу. Но игрока невысокого роста, выполняющего к тому же низкоуровневую защиту, обойти довольно сложно. Джейки бросился на Чарвилла и был тут же отброшен мощным толчком широкой ладони. Но удар только разозлил его. У него оставались лишь доли секунды, чтобы повторить атаку, и на этот раз Джейки не сплеховал: массивная фигура Чарвилла, казалось, споткнулась о своего крошечного противника, мяч вывалился из его руки и перекатился в касание. С минуты, пока небо над стадионом рушилось от восторженных воплей болельщиков, Джейки лежал на земле, пытаясь восстановить дыхание. Потом он встал, встряхнулся как победивший дрозда воробей и, весь в синяках, героически заковылял обратно на своё место.

До свистка оставалось пять минут, и за оставшееся время одна из команд желала лишь закрепить победу, а другая была решительно настроена предотвратить слишком уж сокрушительное поражение. Шотландская команда с самого начала не надеялась победить. Она уже провела матч много лучше, чем ожидалось, и теперь её игроки дружно прилагали отчаянные усилия, чтобы удержать то, чего им уже удалось достичь. Надеждой команды по-прежнему были её нападающие — теперь уже смертельно уставшие.

Но в одном из игроков имелся талант превозмогать любую усталость. Джейки никогда в жизни не играл в игру настолько изнурительную. Он привык к сражениям и дракам, но сегодня его душили, пинали и швыряли так часто и сильно, что он уже сомневался, осталась ли у него хотя бы одна не сломанная кость. Всё его тело ныло и болело, словно одна большая рана, но голова под шапкой волос цвета соломы работала ещё хорошо... И вот нападающие австралийской команды лавиной устремились к воротам шотландцев, и на половине хозяев поля разыгралась схватка. Мяч вышел точно одному из Клаусонов, но он был грязным, света было явно недостаточно, и он промахнулся. Более того, Клаусон споткнулся и даже упал. Расположившийся правом фланге Джейки, увидел свой шанс. Он рванулся и подхватил мяч, легко уκλο-

нившись от усталого подката Клаусона, но рядом не было игрока, которому он мог бы отдать пас, а шансы на прорезание обороны выглядели незначительными. Разумеется, Чарвилл бы его остановил, но у Джейки зародилась надежда на то, что если он преодолеет всего лишь дюжину ярдов, он сможет сделать передачу Смейлу, свободному в этот момент.

Первым препятствием на пути рывка Джейки стал один из нападающих команды «Кенгуру». Джейки ловко уклонился и помчался к правой боковой линии, но Смейла там не оказалось. Сам Джейки не надеялся прорваться, так как уже через несколько секунд его должны были сбить. Он не слышал рёва на трибунах, когда рванул вперёд, потому что сердце его колотилось где-то в горле, а все мысли были заняты Червиллом, поджидающим его впереди и жаждущим мести. Но Джейки чувствовал, что у него каким-то таинственным образом открылось второе дыхание, а тело на минуту словно освободилось от тяжести и усталости.

Джейки миновал центральную линию, лишь немного опередив одного из Клаусонов; второй из братьев где-то затерялся, а навстречу мчался Чарвилл, мечтающий его перехватить. Передать мяч было некому, но в своем бурном детстве он изучил некоторые приёмчики, незнакомые обычным игрокам в регби. Джейки был хитрым и изворотливым. Толпе на трибунах показалось, что он нацелился на лобовое столкновение с Чарвиллом, но Джейки вильнул, словно мотоцикл, избегающий тяжёлого роллс-ройса, и на полной скорости проскользнул под рукой нападавшего. Шестьдесят тысяч человек вскочили со своих мест, потрясая кулаками и зонтиками, потому что Чарвилл лежал ничком на земле, а Джейки Галт уверенно нёсся вперёд, к воротам австралийцев.

Лишь единственный защитник команды «Кенгуру» был ещё в состоянии помешать ему. Это был невысокий, но крепкий игрок, лишь чуть-чуть превосходящий по росту Джейки. Более крупный защитник смог бы остановить атаку, но он был слишком медлительным в захвате, чтобы противостоять стремительному рывку Джейки — в кулаке у защитника осталась лишь значительная часть рваной футболки атакующего, а Джейки, бросившись на колени прямо перед ним, проехал по грязи к краю ворот и уложил мяч. Закрыв его своим телом и уткнувшись носом в землю, он лежал, задыхающийся и невероятно счастливый, а музыкой в его ушах отдавался свисток судьи, завершивший матч, который Джейки с точностью до одного очка выиграл для своей страны.

На местах для представителей прессы некий дикий и рыжеволосый субъект прямо на крышке стола исполнял в этот момент триумфальный военный танец; прочие журналисты протестовали, но топот ботинок и хруст дерева под каблуками заглушали все их упреки.

Итак, ровно в восемь вечера четверо сели ужинать в Блейвери. Мистер МакКан не любил поздние обеды, утверждая, что плотная, вредная для здоровья вечерняя трапеза больше подходит городской аристократии. Ему были приятнее обычаи его юности: после хорошего обеда в час дня и крепкого чая в пять, он ужинал в восемь вечера, да и то лишь с октября по май, а в долгие летние вечера — лишь тогда, когда он возвращался из сада в дом. Супруга его сначала немного ворчала, поскольку не имела ничего против привычек аристократов, но скоро поняла, что противиться стойкому консерватизму хозяина дома было бесполезно. К ужину она имела обыкновение надевать платье из чёрного шёлка и увешаться драгоценностями. Она пыталась уговорить и Диксона напаялить смокинг, но он обычно был против, а сегодня он и вовсе категорически отказался переодеться, так как гостями за столом будут только Дугал и Джейки, а с ними можно по-простому.

Мистер МакКан противился и электрификации своего загородного дома, утверждая, что слабый запах парафина для него неотделим от удовольствия сельской жизни, поэтому столовая комната его дома была освещена свечами и большой лампой, установленной на буфете. В камине, потрескивая, ярко горели дрова, разливая приятное тепло в уже прохладный вечер.

Хозяин дома весь просто лучился от хорошего настроения. «Держите, здесь превосходные кусочки для вас, ребята, а то вы наверняка проголодались, — не переставая, угощал гостей.

— Накладывайте себе побольше ветчины с омлетом, а здесь лосось, которого я лично вчера выловил. Вы уже слышали, что я свалился в воду, когда его вытягивал, так что Адаму пришлось сначала вылавливать из реки меня, а потом уже рыбу? Я горжусь тем, что сам добываю себе пропитание: а вот яйца наших кур, окорок — я сам его коптил, про лосося я уже сказал, а лепёшки — это мамочка постаралась. И я приготовил ещё бутылочку шампанского, чтобы выпить за здоровье Джейки. Мальчик мой, это какое-то чудо, что ты почти и не пострадал! Мы-то были готовы увидеть тебя лежащим на носилках с пробитой головой!»

— Если меня и помяли чуток, то скорее радостные болельщики после матча, а не эти из «Кенгуру»! — засмеялся Джейки. — Дугал и тот пострадал больше меня — он ведь проломил ногами стол для журналистов!

Выговор его был лёгким и певучим, характерным для уроженцев запада Шотландии, но построение английских фраз было превосходным, поскольку Джейки имел слуховую память и бессознательно копировал речь новой для себя среды. Он был невысоким и худощавым, но пропорционально и красиво сложенным. Волосы его были мягкими, светлыми и очень непослушными, а маленькое лицо под этой русой шевелюрой имело вид задумчивой утончённости, почти что даже нежности — частично из-за аккуратного острого подбородка и пухлых губ, но в основном из-за больших серых глаз, светящихся умом и любопытством, будто у спаниеля. Лицо его можно было бы назвать даже благочестивым, настолько, что многие встречные старушки были готовы его усыновить, а встречные глупцы — презирать и смертельно при этом ошибаться. Джейки имел такой вид, будто бы он постоянно удивлялся чудесам жизни и даже немного терялся от их изобилия. После сегодняшнего матча лицо его от частых и продолжительных контактов с матерью-землёй было исцарапанным и в синяках — лицо херувима, но падшего херувима, жестоко низвергнутого с небес на грешную землю.

Четвёртый за этим столом, Дугал Кромби, являл собой полную противоположность элегантному телосложению Джейки. Бывший вождь Крепких Орешков за прошедшие годы превратился в рослого молодого человека пяти футов и десяти дюймов ростом, с широкими плечами и такими кулаками, которые больше бы подошли кузнецу. Юность исправила диспропорции его детства: голова его уже не казалась чрезмерной для его тела — теперь она была просто большой. Его огненно-рыжие волосы потемнели и приобрели более благородный оттенок. Искусство дантиста исправило неровности его зубов. Черты его лица остались грубыми, но стали какими-то более приятными. А вот глаза остались прежними: серо-зелёными, глубоко посаженными и тлеющими яростной жизненной силой. Сторонний наблюдатель мог бы различить в его взгляде эхо прошлых веков — именно так мог выглядеть древний пиктский воин, варивший вересковый мёд в промежутках между битвами у подножия Адрианового вала; или какой-нибудь средневековый шотландский горец, по ночам поджигающий амбары Леннокса; или угрюмый, деспотичный окраинный лэрд. Внешне Дугал напоминал «готского выживальщика»: манера его обращения с миром была напористой и циничной. Казалось, что он вечно куда-то торопится и в этой спешке готов отталкивать всех прочь со своей дороги. Многие избегали общения с ним, поскольку им был неприятен сам его взгляд, выражающий, как им казалось, лишь угрюмое презрение; но они ошибались — это и был интерес Дугала к миру. Он был поглощён жизнью, но поглощённость эта была сильнее, чем у прочих людей, оттого и понята она часто бывала неправильно. Друзей у него из-за этого было мало — супруги МакКан, Джейки и, возможно, ещё парочка других — но уж к тем, кто имелся, Дугал был привязан с поистине собачьей преданностью. В их компании он мог расслабиться и почувствовать себя менее принуждённо. Беды словно отступали от него, Дугал мало говорил и много улыбался, как будто одно присутствие родных ему по духу людей делало его счастливым. Они были его семьёй — единственной, которую он когда-либо знал.

Мистер МакКан сейчас как раз рассказывал о тех, кто много лет назад сражался под началом Дугала.

— Ты наверняка захочешь узнать последние новости, мой мальчик, — рассказывал он. — Старый Билл уехал в Австралию и вполне преуспевает там. Он написал мне, что живёт сейчас с прочими переселенцами на маленькой ферме, он выкорчевал наконец все пни на своём участке и приступает теперь к первой вспашке. У него всё в порядке, есть и куры, и дойные коровы. Такая сельская жизнь — это как раз для нашего Билла: у него всегда было больше мускулов, чем желания работать головой; но здравого смысла ему не занимать... Наполеон трудится в Монреальском банке — головной офис направил его туда в прошлом июле. Питер Патерсон только что закончил обучение и стал врачом. Это потребовало от меня, разумеется, больших вложений, но должно окупиться, поскольку последний год практики в больницах был для него успешным. Кто бы мог подумать, что Питер станет учёным?! Но он всегда был упорным парнем!.. Но вот Томас Йоуни — вот уж кто удивил так удивил! Мы все были уверены, что он станет пиратом — а он стал священником! У него отличный голос: мне говорили, что когда он произносит проповеди, он способен обратить в христианство даже птиц на ветках!.. Вот такие новости — обо всех, кроме тебя, Дугал, и Джейки. Мальчик мой, как Шеф Крепких Орешков я поистине горжусь своим командиром!

Диксон говорил с улыбкой, а юноши слушали его с явным интересом, пусть и не совсем разделяя его поистине отцовскую гордость за успехи своих мальчиков. Интересы двадцатилетних быстротечны. Для них двоих события шестилетней давности и судьбы старых товарищей по играм были уже чем-то отдалённым; ещё интересовали, конечно, но не более того. Когда-нибудь придёт день для сентиментальных воспоминаний о прошлом, но теперь они думали главным образом о себе, о собственном своём настоящем и будущем.

— А как дела у тебя, Дугал? — спросил мистер МакКан. — Мы читаем твои статьи в газетах, но не менее часто читаем и про тебя. Пишут, что ты баллотируешься в Парламент?

— Я участвую в выборах, но точно не пройду. Пока ещё рано.

— Дорогой мой, но я бы очень хотел, чтобы ты выбрал себе партию получше. А то создаётся впечатление, что ребята в вашей партии больны на голову. Сегодня утром я прочитал стенограмму выступления этого вашего Томба — кажется, одного из ваших лидеров? Он говорил о необходимости смыть с себя грех буржуазности. Но ведь буржуазия — это как раз мы с мамочкой!

— Он не вас имел в виду. А мистер Томб — он скользкий малый. Нам не нужна поддержка интеллектуалов вроде него, поскольку такими людьми движет лишь собственное тщеславие. Вы послушайте меня, мистер МакКан. Простые люди этой страны желают сейчас отстаивать собственные интересы. Я знаю, что им нужно, и я знаю, о чём они думают, поскольку я сам из простых. Они хотят влиять на политику, они хотят делать политику. Разве не такой человек, как я, должен помочь им добиться правды?

— Именно такой, но только в том случае, если ты не будешь терять головы, — с мудрым видом ответил Диксон. — Но ты прекрасно знаешь, Дугал, ваши лидеры не рассчитывают когда-нибудь передать тебе бразды правления. И потом, как твои политические взгляды сочетаются с твоей работой журналистом? У тебя есть неплохое место в редакции газеты мистера Кроу. Когда-нибудь, возможно, ты даже её возглавишь. Но что думает мистер Кроу о твоих политических увлечениях?

Тут мистер МакКан дружески подмигнул Дугалу, но лицо юноши, до той поры настолько вежливое, насколько это позволяли его грубые черты, помрачнело.

— Кроу! — воскликнул он. — Да он — самый худший буржуа из всех! Самый закоренелый! Томас Карлайл Кроу — это величайший мошенник из всех, которые когда-либо ходили по земле. Я беру его деньги только потому, что сполна отрабатываю их. А работаю в его газете, поскольку у меня есть журналистский талант. Но я отказываюсь иметь что-либо общее с его дрянными воззрениями или политикой. Я не вкладываю своих взглядов в статьи для его гнилой газетёнки. Я оставляю их для субботнего «Боевого листка» социалистов.

— Да, я читал там некоторые твои странные статейки, — сухо сказал Диксон. — Кажется, вы мечтаете построить «новую Шотландию» и сожалеете, что мы продали наши души англичанам и ирландцам?

— Именно так, — согласился Дугал, снова напуская на себя покорный вид. Похоже, он чувствовал, что тёмные мысли, которые лежали у него на душе, плохо соответствовали приятно освещённой гостиной и обильно накрытому столу. — Как бы то ни было, сегодня Шотландия победила, и пора выпить за здоровье Джейки.

После тоста за трёхчетвертного регбиста Диксон опять наполнил стаканы.

— Я хочу выпить и за твоё здоровье, Дугал. Как сказано в Библии, «вознесём молитву Небесам, чтобы они не дали тебе споткнуться на тёмной дороге». Для меня и прочих твоих друзей было бы очень горько узнать, что ты вдруг попал в тюрьму... А теперь, расскажите мне о своих планах. Я слышал, что перед возвращением Джейки в Кембридж, вы решили взять недельный отпуск и отправиться в поход?

— Да, мы хотим пойти пешком в Кэнонри, — подтвердил Джейки.

— Что ж, Кэнонри — это прекрасное место для туризма. Я как-то рыбачил там, и мне очень понравилась вольная жизнь среди тамошних холмов... Но я знаю из газет, что в Кэнонри сейчас проводятся внеочередные выборы. Надеюсь, Дугал не собирается попутно заняться там агитацией?

— Может, он и хотел бы, — ответил Джейки, — но вряд ли ему позволят. Нет, мы хотим подняться повыше в холмы и обосноваться в Бэк-хаусе у озера Гэррох. Там было наше старое пристанище.

— А, озеро Гэррох — знаю, где это. Я там тоже много раз рыбачил и часто заходил в Бэк-хаус выпить чаю. Хозяйку, кажется, зовут миссис Каттерик. Да, точно, Каттерик, а муж её родом из Санкухара. После ужина я отыщу карту, и вы мне начертите ваш маршрут. Следить за походом друзей — почти так же увлекательно, как и путешествовать самому. Холмы вокруг озера там великолепны — Мунэро, Йирни, Калмарон и Калдрон... Постой-ка, Дугал! Разве твой мистер Кроу не живёт тоже где-то там, в Кэнонри? Ты собираешься его навестить?

— Нет, он живёт далеко в стороне, у Глен Кэллоу, — ответил Джейки. — А мы хотим уйти к холмам. Если погода не изменится, то в Кэнонри в октябре будет изумительно.

— Да вы отчаянные ребята! — шутливо подытожил мистер МакКан. — Вы отправляетесь в район, где проходят дополнительные выборы, а удерживать от политики и агитации Дугала можно, как фокстерьера от лисьей норы. И при этом вы уверяете меня, что выборы вас не интересуют. Что ж, хоть время для рыбалки и прошло, но холмы в Кэнонри высокие, ноги у вас молодые, и за пару дней покорите там каждую вершину. Только не наделайте глупостей. Увлечённость Дугала политикой меня пугает. Он вполне в состоянии поднять там восстание якобитов.

*«Кенмура славный род снова идёт в поход,
трам-пам-пам, трам-пам-пам!»*

И настроение мистера МакКана снова поднялось, отчего он принялся напевать начальные строки баллады Бернса о доблестном Уильяме Гордоне, виконте Кенмур.

— Что ж, если что-то пойдёт наперекосяк, я буду рад оказаться рядом и выручить вас, — сказал он напоследок. — Конечно, я человек пожилой, но на что-то и я ещё сгожусь. Так что, если вы вдруг поднимете знамя восстания на берегах озера Гэррох, то пришлите мне весточку, я разыщу мои походные ботинки и присоединюсь к походу.

Глава 2, которая представляет нам великого человека в беде

За пятьдесят восемь лет до этой истории в приходской школе Килмаклаверса, что в графстве Файф, родился мальчик. Директором той школы был некто Кемпбелл Кроу, в возрасте сорока пяти лет женившийся на вдове коменданта соседнего портового местечка Партанкирк — даме, которая была моложе его на одно лето. Мистер Кроу был шотландским пастором старой школы: ученики его один за другим пополняли ряды среднего класса Сент-Эндрюсского общества, профессией своей он гордился и в присутствии учителей держался почти с епископским достоинством. В приходе и далеко за его пределами его почитали как «весьма начитанного», и когда в дискуссии какие-то вопросы передавались на его рассмотрение, он выносил свой вердикт, употребляя такое количество многосложных слов, которое сразу же убеждало слушателей в его правоте и вызывало даже благоговение. Если у кого-то из слушателей и закрадывались сомнения, то стоило вспомнить, что мистер Кроу был не только старейшиной общества Свободного Кирка, но и верным приверженцем Гладстона, как сомнения эти сразу же таяли, словно туман на солнце. Жена его во всём соответствовала мужу, разве что философию в её душе заменяла религия. Она была широко известным знатоком и ценителем проповедей, и могла проехать немало миль, чтобы послушать какого-нибудь очередного модного проповедника. В следствии такого увлечения и её собственный голос приобрёл монотонные пасторские нотки. Вселенной миссис Кроу была Церковь, и она лелеяла надежду, что и её единственное дитя когда-нибудь станет одним из её блестящих столпов.

Младенца крестили именем Томас Карлайл, в честь историка-мудреца, которого почитал отец ребёнка. Сама миссис Кроу хотела назвать мальчика Робертом Рэйни, в честь пастора-пресвитерианца, но у крестильной купели уступила мужу. Наследник явился в этот мир случайно, и не был ребёнком, которого ожидали, да и покойный комендант Партанкирка детей не имел. Томас Карлайл стал сыном пожилых уже родителей и единственной радостью в доме. Оба родителя считали, что мальчику суждено стать священником, поэтому ранние свои годы он провёл в атмосфере аскезы и самоотречения. Тому, кому предстоит когда-нибудь стать великим человеком, лучше готовиться к подобному с детства, чтобы биография его оказывала положительное впечатление на читателей. Каждое его письмо мать тщательно сохраняла для потомков. К каждому празднику Нового года отец одарял его длинным посланием в стиле евангелического лорда Честерфилда, в котором поверял ему свои размышления о смысле жизни. Копия каждого такого подарка тоже сохранялась для передачи его будущему биографу. Обучение мальчика было тщательно регламентировано. В пять лет он уже освоил греческий алфавит (хотя ещё не освоил английскую грамматику), в восемь лет он начал изучать иврит, в девятилетнем возрасте он прочитал уже «Потерянный рай», «Ночные мысли» Юнга и большую часть «Течения времени» мистера Роберта Поллока. В одиннадцать, к восторгу родителей, он и сам начал сочинять — первым его творением стала эпическая кантата на тему Вечности.

При таком обучении из него должен был получиться законченный формалист и педант, но каким-то чудесным образом Томас Карлайл избежал подобной судьбы — вероятно потому, что не был рождён для чего-то великого. К отцовскому огорчению, в Томасе имелась какая-то хроническая внутренняя неспособность к точным знаниям ни в одной из дисциплин. Закончив школу в Килмаклаверсе, он на два года стал учеником знаменитой академии в Партанкирке — учреждении, чьи выпускники неоднократно становились стипендиатами колледжей. Но старостой он ни разу не был, даже не был близок к чему-то подобному, и стипендия в Эдинбурге, которую он в конечном итоге выиграл, была небольшой, под стать его двадцать седьмому месту в списке выпускников. Но чем Томас отличался от соучеников, так это умственной активностью. Он прочитал все книги, до которых только мог добраться, и многое из прочитанного

запомнил, пусть иногда неправильно понимая. Одноклассников его не любили — в основном, из-за его неспособности к играм и отвращению к дракам — но в итоге ему как-то удавалось становиться своим в любом кругу, куда он стремился попасть. Ибо он фонтанировал идеями и мог рассказывать своим менее начитанным товарищам удивительные истории, почерпнутые из книг. Он был способен выдвигать и строить великолепные планы, хотя и не всегда был в силах принять деятельное участие в их осуществлении.

В возрасте двадцати лет, он будучи на последнем семестре курса искусств в колледже Эдинбурга, собирался продолжить обучение на теологическом факультете. Ничего выдающегося он не достиг, хотя и занял пятое место в литературном конкурсе, написав сочинение о своём великом тезке. Зато Томас Карлайл активно пробовал себя в журналистике и уже опубликовал несколько статей в вечерних газетах. Кроме того, он жадно читал, и был широко, хотя и неточно, информирован по каждой проблеме, волнующей общество. Он понимал, что в ораторском искусстве он слишком слаб, чтобы думать о карьере священника (немногочисленный его попытки прилюдно вещать оборачивались моментальным провалом), поэтому он больше полагается на собственное перо, а не язык. В остальном он был счастлив, поскольку ему никогда не бывает скучно наедине с собой, и жаден до жизни, поскольку внутренне весьма амбициозен. Его воспитание в детстве наложило на него не один отпечаток, а целых два: он уверовал в то, что станет великим человеком, хотя и не знает в точности, какого именно величия ему требуется достичь. Кроме того, родители привили ему чрезмерно серьёзный взгляд на жизнь. Он хотел быть достойным своего имени, считая, что мудрец-историк каким-то образом завещал ему обрывок своей мантии. Его постоянно тянуло обобщать, искать принципы, философствовать. Он ценил не факт, а его описание, отягощён елейностью и высокопарностью. Он считал, что его миссия — вести за собой весь мир, а когда гулял по улицам Эдинбурга, голова его гудела от глубоких афоризмов и проникновенных речей, которые он сочинял. Однажды он зашёл даже так далеко, что принялся составлять свой собственный некролог, не доверяя подобное потомкам. Одну фразу он придумал сразу: «Томас Карлайл Кроу был Моисеем, который привёл свой народ через пустыню в Землю Обетованную»; но если бы его спросили, где расположена эта земля и зачем туда требуется идти, он затруднился бы с ответом.

В двадцать лет он пережил первое печальное событие в своей жизни: от пневмонии скончался его отец, Кэмпбелл Кроу, а через месяц вслед за мужем этот мир покинула и Юфимия, возлюбленная мать и вдова. Можно сказать, что Томас Карлайл остался один-одинёшенек в мире — имелся ещё двоюродный брат в Манитобе, но Томас никогда его не видел. Нежный душой, Томас долго и искренне оплакивал своих родителей, а когда горе его немного притупилось, он написал их краткую биографию и под заголовком «Отец и матушка в Израиле Небесном» опубликовал её в «Коммерческом листке». Статья, по слухам, вызвала у читателей заслуженное восхищение. Теперь Томас мог рассчитывать только на себя, и должен был строить собственную жизнь без родительских советов. Долго и напряжённо размышлял он, не стать ли ему служителем церкви, как желали для него покойные родители. От их «завета» Томасу было нелегко отказаться. И только явное отсутствие у него способностей к произнесению проповедей (от природы у него был слабый и писклявый голос, да и боязнь толпы в придачу), убедило его в том, что сыновья почтительность должна уступить требованиям здравого смысла. Не доверяя в решении одному себе, он обсудил этот вопрос с настоятелем церкви Килмаклавера. «Проповедовать можно не только с кафедры», — таким был ответ этого мудреца.

Итак, Томас решил сделаться человеком пишущим. По завещанию родители оставили ему около трёх тысяч фунтов, долгов он не имел, а жить привык экономно. Ему казалось, на таком финансовом фундаменте он сможет без труда возвести первый этаж будущего великолепного здания своей карьеры. Закончив без каких-либо достижений колледж, Томас (согласно светской моде амбициозной шотландской молодёжи) переехал в Лондон.

Первые его начинания были не слишком удачными. Серьёзные ежемесячные журналы не приняли ни одного из его напыщенных трактатов о смысле жизни, а редакция газеты «Таймс» резко отвергла пачку его статей о текущей политике, и это при том, что сам Томас, сочиняя их, едва ли не рыдал от силы собственного красноречия. Но скоро ему удалось найти для себя нишу: в одном популярном еженедельнике религиозного плана. Там, под псевдонимом «Симеона Кожевника» Томас начал комментировать новые книги, события в обществе и своих современников.

Вскоре эта узкая ниша превратилась в широкую кафедру, с которой он еженедельно общался, убеждал и играл на чувствах толпы к безмерному её одобрению. Вскоре, его колонка стала самой читаемой в журнале. Не обладая точными знаниями ни по какому вопросу в мире, он умудрялся, тем не менее, облачить своё невежество в блистающие папские одеяния и подкрепить собственный сумбур ссылками на непререкаемые авторитеты. У него обнаружилось замечательная способность рассматривать любой вопрос, имея лишь зачатки знаний. Прежде всего, он писал интересно и был весьма практичен. Можно сказать, он брал малообразованного читателя за руку и убеждал, что поведёт его к вершинам премудрости. Каждая искра общественных эмоций раздувалась им в уважаемое маленькое пламя. Он мог быть яростно саркастичным согласно манере своего прославленного тёзки, мог погрязнуть в банальностях и сентиментах, даже пытался шутить, но главным было одно: он знал свою аудиторию и ни на минуту не терял с ней контакта. «Полезный» — так называли его. Он ободрял, помогал, и колонка его ответов на письма читателей занимала всё больше и больше страниц в каждом номере журнала, где он работал.

К двадцати четырём годам Томас имел уже стабильный доход, а также пользовался значительной популярностью среди верхушки среднего класса. На публике он не спешил появляться, хорошо сознавая, что его спонтанные высказывания могут ослабить положительное впечатление его статей. Впрочем, своим положением он был недоволен и собирал силы для нового карьерного рывка. От своих предков по линии матери, мелких торговцев в Партанкирке, он унаследовал деловую хватку, подсказавшую ему, что его путь к удаче лежит не в области ответов на письма читателей. Если журнал пользуется популярностью из-за его статей, то он должен этим журналом владеть — для того, чтобы извлекать из своего таланта максимальную прибыль, потакая общественным вкусам. Изучив рынок, он посчитал, что там найдётся местечко для ещё одного еженедельного журнала по доступной цене, ориентированного на всё растущую группу недоучек, которых в изобилии плодит бесплатное образование. Его будущие читатели не разбирались ни в политике, ни в науках; они были простыми обывателями, которые дома у камина хотели читать немного о политике, и немного о науке, но занимательно. Поэтому Томас Кроу в один прекрасный момент отважно порвал со своими работодателями и стал издавать свой собственный недорогой еженедельник. Деньги на это предприятие нашлись очень просто, поскольку экстравагантных вкусов он не имел, зато умудрился приобрести множество поклонников в кругах преуспевающих неконформистов. Кроме того, в душе Томас были игроком — каждый пенни, которым он владел или который мог занять, он вкладывал в расширение своего нового предприятия.

Журнал он назвал «Центральный Нападающий», и публика полюбила его с первого же выпуска. Название было гениальным: взятое из популярного вида спорта — футбола — оно было понятно миллионам, но притом оставалось свежим и не затёртым. Предполагалось, что журнал будет всегда «нападать», то есть находиться в авангарде прогрессивной мысли, но занимать будет при этом центристскую позицию, одинаково чуждый как правой реакции, так и левой революции. На рынке он появился в девяностых годах прошлого века — в те счастливые времена, когда мир был умеренно прогрессивным, удобным для жизни и увлечённым новыми техническими игрушками. Томас оказался весьма ловким редактором: он то и дело придумывал занимательные конкурсы для читателей и предлагал победителям призы такого размера,

который ранее был неизвестен британской журналистике. Он «открыл» и дал работу в журнале трём новым поэтам (поэзия в те времена была в моде), а также двум новым юмористам (ныне совершенно забытых), причём смог убедить читателей, что честь этих открытий принадлежит им самим, так что каждый из подписчиков мог почувствовать себя покровителем искусств, таким современным Меценатом. Он даже разоблачал коррупцию в фельетонах — но только после того, как собственные адвокаты уверили его, что юридически это совершенно безопасно. Еженедельно он, Томас Карлайл Кроу, говорил с обществом на самые животрепещущие темы, причём делал это так мастерски, что каждому из его подписчиков казалось, что редактор ведёт дружескую беседу именно с ним самим. Высшему свету он, разумеется, был неизвестен, но несколько сот тысяч простых британцев превозносили его и почитали.

Деловая хватка у него была поразительная. Редакционный портфель «Центрального Нападающего» никогда не испытывал недостатка в новых темах, журнал потолстел, стал выходить на лучшей бумаге и в лучшем оформлении, количество рекламных страниц росло, а цены на рекламу оставались умеренными. Томас Кроу лично контролировал каждый этап его производства, печати и распространения, находя всё новые и новые пути для развития бизнеса. Вскоре появились и дочерние журналы. Частное садоводство было тогда в Англии на подъёме, поэтому от «Нападающего» отпочковался «Сельский житель» — роскошно иллюстрированный ежемесячник, тут же полюбившийся садоводам. Новое издание быстро окупилось, но детский журнал по цене в половину пенни окупился ещё быстрее. За ним последовал елейный и снобистский еженедельник для домохозяек — этот стал и вовсе бестселлером. Кроу приобрёл также несколько биржевых вестников и стал рассылать их по подписке.

К моменту Англо-Бурской войны Томас был уже весьма богатым человеком, год от года богатеющим ещё больше, но он так и продолжал жить в двухкомнатной квартирке в Мэрилебон, практически ничего не затрачивая на себя. Война удвоила его капитал. В предвоенные годы «Центральный Нападающий» позиционировал себя умеренным сторонником нового империализма, и сборник статей Томаса Кроу, вышедший под названием «Романтика империи», пользовался у читателей большим спросом. Но с первыми залпами войны журнал занял отчётливо патриотическую позицию: с его страниц Томас (заручившись, разумеется, согласием юристов) разоблачал злоупотребления в подготовке и ведении кампании, он клеймил неэффективность командования и, в конце концов, предстал перед миром кем-то вроде «лучшего друга солдат». Тогда же он стал издавать ещё один листок ценой в пенни, называвшийся «Мать-Англия» и представлявший из себя тот же «Нападающий», но адаптированный для рабочего класса: немного вульгарный и просторечный, нарочито сенсационный, но в высшей степени здравомыслящий. Можно сказать, что с его страниц Томас Карлайл Кроу дал возможность великому множеству читателей посмотреть на мир с собственной своей колокольни.

Судьба ему благоволила. После войны, когда патриотизм уступил место моде на либерализм, Томас увидел свой очередной шанс. Все прочие газеты поддерживали протекционистскую политику сокращения импорта — он же основал новый журнал за полпенни, ставший рупором свободы торговли. Это был смелый и рискованный шаг. Больше чем полгода новое издание оставалось убыточным, пожирая прибыль от других начинаний Кроу, но затем политический ветер вдруг изменился, и журнал взлетел к сияющим вершинам общественного признания. «Взгляд» — так назвалось новое издание Кроу — вдруг ответил на чаяния общества, о которых, кроме его редактора, раньше никто не подозревал. Еженедельник был ярким, свежим и великолепно составленным, иллюстрации были первосортными, а страницы с рекламой пестрели названиями самых известных фирм и товарных марок. Но прежде всего это был журнал для дома и домохозяек, которые и стали самыми верными его читательницами. Своим успехом новое издание во многом было обязано самому Томасу — именно он стал «центровым нападающим» журнала и выразителем его политики. Еженедельно, как во «Взгляде», так и в его

«центровом» прародителе, Кроу комментировал те вопросы, которые интересовали общество, и высказывал по ним свои авторитетные суждения.

Возросшая популярность заставила его изменить даже собственным аскетическим привычкам: жить в уединении становилось ему всё труднее и труднее. Сотни людей искали с ним встречи, желая получить у него помощь деньгами или связями, представители партий и отдельные личности обивали его порог, поэтому квартиру на Мэрилебон он сменил на такие же скромные комнаты в одном из офисных зданий, которые он построил неподалёку от Флит-стрит. Там, заслонившись от мира колючей проволокой секретарей, обрёл он относительный покой. Также в нескольких отелях — английских и иностранных — для него на чужое имя были зарезервированы постоянные апартаменты, в остальном же у него не было известного публике места жительства.

В годы Великой войны Кроу, в противоположность прочим газетным магнатам, ухитрился сохранить и даже приумножить личную анонимность, словно за крепостными стенами, скрываясь за штабелями своих газет. Премьер-министр мог вызвать его на срочное совещание, но вместо себя Томас посылал одного из редакторов. Он всегда резко отклонял любые предложения чествований ко Дню рождения или к Новому году. Оставаясь физически в тени, духовно он всегда стоял на авансцене общественной жизни. Статьи, подписанные именем Томаса Карлайла Кроу, пользовались огромной популярностью. Как и пятнадцать лет назад, он стал «лучшим другом человека в окопах», его критика генералитета и политиков воспринималась по-прежнему серьёзно, поскольку отражала подозрения и страхи миллионов обывателей. В целом, газетная империя Кроу сыграла в великой борьбе положительную роль: прежде всего, общий тон его изданий был стойко оптимистическим даже в самые мрачные дни, а критика властей ни разу не опускалась до подозрений в личной мотивации и сохраняла разумные стандарты порядочности и здравого смысла.

К окончанию войны у Томаса Кроу было уже пятнадцать успешных журналов и газет (плюс одно воскресное приложение), огромное и всё увеличивающееся состояние, разумно вложенное в ценные бумаги, и центральное (хотя и несколько неопределённое) положение в глазах общественности. Своим поклонникам он позволил лишь единственную уступку: теперь в каждом его издании красовался его собственный портрет-гравюра. На нём Томас Карлайл Кроу представал перед читателями как средних лет мужчина с круглой, бритой головой и лицом, исполненным вежливой доброжелательности. Глаза его были затенены большими очками в черепаховой оправе, но светились умом и добротой, а излишняя учтивость вполне искупалась высокими скулами и плотно сжатыми губами. Намёк на двойной подбородок помогал произвести эффект общего дружелюбия, а высокий лоб возвещал личную мудрость. Это было именно такое лицо, которое читающая публика подсознательно всегда угадывала за его статьями, и в глазах общества этот портрет во многом стал заменой его реальной личности.

Этот шаг имел далеко идущие последствия, поскольку сделал Кроу фигурой почти международного уровня. Представленный своим портретом, раз в неделю он словно покидал то убежище, где обретался в обычное время, чтобы ободрять и направлять человечество. Он был олицетворением Оптимизма, воплощением Надежды — но не в образе стройной и обнажённой нимфы, а в облике целеустремлённого и мужественного новейшего Прометея. Статьи его были во всех газетах, а американские и континентальные издания регулярно переводили и перепечатывали их. «Возрадуйтесь, сердца!» — было его девизом, взятым у католической церкви. Роберт Браунинг от журналистики, цель свою он видел в том, чтобы во всём замечать и показывать светлую сторону бытия, истолковывал отдельные недостатки как приметы всеобщего процветания. Спад в промышленности он считал прелюдией к индустриальному возрождению Британии, которая скоро неминуемо завалит мировой рынок своим экспортом. Волнения среди рабочих он называл доказательством их приверженности идеалам Свободы. Скоростной автомобиль, джазовая музыка и эксцентричное поведение молодёжи были для него

признаками скорого наступления эпохи нового взлёта духовности, а опустевшие церкви — свидетельством стремления человечества к более широкому откровению. Для каждой общественной проблемы он был в состоянии предложить простое и приносящее радость решение. В его лице Пророк-Отшельник счастливо соединился с Философом-Оптимистом. Жизнерадостность в его руках была не простым флажком, а настоящим знаменем.

Конечно, были и те, кто его критиковал. Простые люди заявляли, что его оптимизм был смесью поучений Мартина Таппера и рекламных слоганов с другой стороны Атлантики. Критики отмечали скудость его мысли и напыщенность его стиля. Сторонники немедленных реформ называли успокаивающий сироп его статей «опиумом для народа». Люди язвительные интересовались, каким образом этот торговец погремушками стал судьёй Израилевым. Эксперты сетовали, что всякий раз, доходя до деталей, он говорит ерунду. Но таких придиричивых было немного. В основном мистер Кроу вызывал у людей лишь восхищение и даже благоговение. В провинциальных гостиных, в школьных классах, в деревенских клубах и кабинетах священников портрет Томаса Карлайла Кроу милостиво взирал со стены на посетителей. Можно сказать, что Томас воплотил в жизнь амбиции как свои, так и своих покойных родителей: он проповедовал «городу и миру», и стал Моисеем, готовым вести свой народ в Землю Обетованную.

В целом, взгляды «Кроу-Пресс» можно было теперь назвать консервативными, но от партии тори и межпартийной войны Томас ухитрился держаться в стороне. Он поддерживал любое правительство, находящееся у власти, одновременно мягко его критикуя. Определённую свободу он давал себе лишь в обсуждении международных вопросов, хотя его личное знакомство с другими странами ограничивалось посещением курортов французской Ривьеры, стремлении к солнечному свету и небольшому отдыху от Англии. Но к континентальной политике он испытывал живейший интерес, и взял за правило посылать способных молодых корреспондентов, так сказать, действовать там в качестве его личных разведчиков. Относясь к Лиге Наций в целом доброжелательно, Версальские соглашения он подвергал резкой критике, становясь на сторону тех стран, которые, по его мнению, были ими недовольны. По таким вопросам он позволял себе высказываться резко и недвусмысленно: признание России ошибочно, а вот с осуждением фашистов в Италии не следует торопиться, а лучше бы с уважением подождать результатов их смелого социального эксперимента.

Но положение в Эваллонии было предметом его особого интереса. Там в 1919 году (очевидно, с согласия её народа) была учреждена республика, но почти сразу же произошёл партийный раскол. В оппозицию правительству встала сильная монархическая партия, желающая восстановления прежней династии в лице молодого принца, популярного среди граждан. Партия также выступала и за пересмотр границ государства. Эти стремления Томас в своих статьях однозначно поддерживал. Миллионы своих читателей он убеждал в собственной приверженности идеалам демократии, но монархия (вспомним Британию) в его глазах была столь же демократичной, как и республика. Если народ Эваллонии хотел видеть принца своим королём, это было позволительно. Также следовало вернуть потерянные территории — иначе соседние страны всегда будут иметь рядом с собой очаги напряжённости. Статьи, в которых он пропагандировал подобные воззрения, произвели глубочайшее впечатление на жителей юга и востока Европы, а для эваллонских монархистов имя Кроу стало примерно тем же, чем для Италии имя Палмерстона или для Болгарии Гладстона. Добродушие его портретов не обмануло их. Они помнили, что великий патриот Италии, первый её премьер-министр Бенсо ди Кавур, внешне был похож на мистера Пиквика. В честь Томаса Кроу был назван сорт сигар, бегония, модные духи и фешенебельный отель в столице Эваллонии.

Таким было положение Томаса Карлайла Кроу в деловом и политическом мире на момент начала нашей истории. Он был известной и, можно сказать, выдающейся личностью — довольный собой, но отнюдь не счастливый. Внутренне он страдал от того сорта страха, который

учёные называют «агорафобией» — то есть, боязнью публичности. Мастер саморекламы, он избегал рекламировать себя лично. Отчасти, это тоже было рекламным трюком. У него хватило ума понять, что образ отшельника является его активом: он был пророком, говорящим из тени святилища, и его голос сильно потерял бы в убедительности, если бы его удалось связать со слабой человеческой плотью. Но в чём-то это была и обыкновенная робость. Три десятка лет он приучал себя жить как устрица, в плотно закрытой раковине, и теперь он уже боялся выходить за её пределы. Лев на бумаге, он опасался оказаться кроликом в живом общении. Он сознавал, что такое событие не обойдётся без глубоких ран для его тщеславия, что чужие грубые руки в состоянии сорвать с него мантию пророка. Встреча лицом к лицу с каким-нибудь социалистом или, скажем, с республиканцем из Эваллонии? Подобная мысль вызывала у него дрожь ужаса...

Чувство собственной уязвимости стало для него со временем почти болезненным, и он берёг своё затворничество с той же ревностью, что и весталка свою девственность. Он собрал целую команду высокооплачиваемых сторожевых псов, в чьи задачи входило не только управление гигантской печатной империей «Кроу-Пресс», но и ограждение её хозяина от любых контактов с миром. В эту свору овчарок входил главный его секретарь Фредди Барбон, сын обанкротившегося ирландского пэра, совмещающий обязанности великого визиря и мажордома. Там был и Арчибальд Бамф, генеральный менеджер, бывший с Томасом с самых первых дней существования «Центрального нападающего». Был Сигизмунд Аллинс — элегантный молодой человек, действующий в обществе и мире как главный разведчик личной армии Кроу. Был там и некто Баннистер, наполовину камердинер, наполовину дворецкий, а также и Елена Казенова — старая дева лет сорока пяти, незаменимая как стенографистка. Вся эта свита, за исключением Бамфа, окружала и берегла Томаса, никогда, впрочем, не собираясь вместе, чтобы избежать разговоров. Словно констебли на королевском выезде, они следовали впереди и позади своего хозяина, прокладывая ему путь и устилая его подушками. Он правил ими как просвещённый тиран, деспотический, но добрый. Мир живых людей требовалось держать на расстоянии, чтобы тот не лишил Томаса самообладания и не оскорбил его тщеславие, поэтому Кроу создал свой собственный маленький мирок, который, так сказать, был воплощением и продолжением его собственной личности.

Но беда каждого шотландца состоит в том, что он никогда не в силах разорвать узы, связывающие его с родной страной. Томас тоже сохранил в душе счастливые воспоминания о своём детстве среди унылых равнин Файфа, а так же значительный запас любви к малой родине. Глубоко внутри он знал, что скорее получит одобрение в Килмаклавере и Партанкирке, чем аплодисменты просвещённой Европы. В конце концов, эта его привязанность к корням приняла некую практическую форму. Он задумал построить себе к северу от Твида резиденцию. Файф и всё восточное побережье он нашёл слишком большим для такой цели, а Хайлендс находился слишком далеко от Лондона, поэтому Томас поселился на юго-западе региона в местности, известной как Кэнонри — одновременно уединённой и сравнительно доступной. Желания возиться с покупкой земли у него не было, поскольку материальных благ Томас желал столь же мало, как и громких титулов. У лорда Райнса, из-за слабого здоровья жены и упадка состояния уже давно проводящего большую часть времени за границей, он арендовал древние владения замка Гай: тот находился в округе Нокроу — в самой красивой части долины Каллоу и неподалёку от деревни Стар. Городок Портоуэй, где была станция железной дороги на Лондон, находился от замка не более чем в пяти милях. Замок из серого камня стоял в центре запущенного, окружённого высокой стеной парка площадью в тысячу акров. Семь веков назад за право владеть им сражались кланы Брюсов, Комингсов и Макдауэлов. Окруженный голубоватыми горами, он производил впечатление места и укреплённого, и всеми забытого, и в этом замке Томас нашёл для себя безопасное и уединённое убежище, так необходимое тому, кто взял на себя руководство всем человечеством. Дорога вверх по ущелью упиралась

в горный склон, ручьи для рыбалки тоже входили в цену, и ни один праздный турист пока не осквернял собой сияющие просторы долины Каллоу. В деревушке Стар проживало не более пятидесяти жителей, да и они, как истинные уроженцы Кэнонри, были не из тех, кому есть дело до проблем соседей. Для жителей деревни Томас был просто арендатором замка, «каким-то Кроу — кажись, газетчиком из Лондону». Его еженедельных статей не читал ни один из них — в деревне предпочитали традиционную и более сытную пищу для ума.

Но к моменту нашего рассказа спокойствие деревни, словно у той Андерсеновской принцессы, было нарушено некоей горошиной, закатившейся под матрас. В вересковые пустоши вдруг пришла политика. В Кэнонри были объявлены дополнительные выборы — важные выборы, так как они были проверкой новой сельскохозяйственной политики правительства. Прибрежные области Кэнонри были знамениты своими многочисленными фермерскими хозяйствами, а возвышенности — отличными пастбищами. Здешний народ, традиционно поддерживающий либеральную партию, всегда считался образцом здравого смысла, характерного для севера Шотландии. Как такой регион отзовется на планы правительства, шедшие вразрез с традиционным отношением Великобритании к британскому фермерству? Это был вопрос, который обсуждался широко и жарко, и, поскольку всеобщие выборы были тоже не за горами, дополнительные выборы в Кэнонри попали в центр политического внимания. Каждая газета спешила отправить в регион своего политического корреспондента, готового широко оповестить мир о политических предпочтениях каждого из кандидатов. В одно прекрасное утро жители Кэнонри проснулись и обнаружили, что за ночь стали «источником новостей».

Томасу Кроу такая публичность на пороге собственного дома не понравилась совершенно. Собственная пресса была уже проинструктирована как можно меньше упоминать выборы в Кэнонри, но Томас не мог контролировать публикации своих конкурентов. Он начал опасаться, что и сам из-за какого-нибудь поддельного интервью вдруг окажется в центре внимания — такие вещи, ущемляющие его тщательно сконструированное достоинство, уже случались время от времени. Он подумал, что для него было бы разумнее до момента окончания выборов покинуть замок и переждать это время где-нибудь в другом месте. Такая необходимость вызвала у него сильнейшее раздражение, поскольку в ясные октябрьские деньки замок Гай был весьма приятным местечком — никакого сравнения с гостиничным номером в Эксе, снятом на имя Фредерика Барбона.

Но сначала он хотел посетить Глазго — чтобы договориться со строительной фирмой о модернизации системы водоснабжения замка. С согласия лорда Райнса, систему нужно было отремонтировать, пока Томас будет скрываться в Эксе. Вечером того дня, когда происходил уже описанный выше матч по регби, плотную фигуру Томаса Карлайла Кроу можно было видеть на платформе городка Киркмайка — возвращаясь из метрополии, он имел обыкновение пересаживаться там на автомобиль, чтобы незамеченным и с удобством добираться таким образом до цели.

Надо упомянуть, что в Глазго гремели другие выборы: студенты университета выбирали себе лорда-ректора. Между собой соревновались две главные партии, и никакие сторонние кандидаты от националистов, сектантов или интеллектуалов к выборам не допускались. Кандидат от консерваторов был видным членом кабинета министров, кандидат же от либералов принадлежал к партийной «старой гвардии». Энтузиазм населения рос, вместе с ним росло и насилие — то беззлобное насилие, которое является непрямым спутником шотландских конкурсов на место ректора. Произошло уже много всего весёлого: штаб консерваторов ночью кто-то выкрасил либеральной красной краской, памфлеты с критикой закона о клевете открыто продавались на улице, а для дискредитации противоборствующих кандидатов были придуманы удивительно грубые и пошлые песенки. Любая маломальская физическая, моральная или умственная странность кандидатов немедленно широко разглашались и раздувались до неприличия. Под конец кампании либералы достигли поистине выдающегося триумфа: долговязый

лидер консервативной партии был похищен, наряжён в детские шорты, блузу, носки и матросскую шапочку, и в таком виде был прикован цепью с замком к перилам колледжа. Освободить его смогли только через час, а всё это время он служил мишенью для насмешек и поношения либерально настроенных студентов. Такое унижение, разумеется, не могло остаться безнаказанным, и члены консервативной партии раздували ноздри от гнева, жаждая крови студентов-либералов.

Лидером либералов был некий мужчина в годах, который, потерпев неудачу с карьерой адвоката, начал всё заново и стал студентом-медиком. Его родным городом был Киркмайл, где его отец служил баптистским священником. В нашей истории этот политик не участвует, поэтому скажем только, что его звали Линклейтером. Но вот его внешний вид — это для нас важно. Линклейтер выглядел сильно старше своих тридцати двух лет, был плотным, почти лысым господином с круглым лицом, крепко сжатыми губами и высокими скулами. На голове он любил носить мягкую чёрную шляпу, модную нынче не только среди государственных деятелей, но и среди молодых карьеристов и даже анархистов. Добавьте к этому всему ещё и большие очки в черепаховой оправе, и вы получите полного двойника Томаса Карлайла Кроу.

В тот вечер, о котором идёт речь, Томас подошёл к дверям, ведущим из здания станции наружу и, к своему удивлению, обнаружил, что никакой автомобиль его не ждёт. Погода была холодной и дождливой, как и в тот день, когда играли «Кенгуру». Утро в замке Гай было ещё солнечным, но Томас озаботился прихватив с собой лёгкий плащ, который теперь он с удовольствием накинул на себя. Носильщики куда-то спрятались, а на плохо освещённой площади видна был лишь одна машина — старый и потрёпанный фورد-фургон.

Томас как раз спускался по ступенькам на площадь перед вокзалом, рассчитывая в любой момент увидеть в мокрых сумерках фары своей чуть запоздавшей машины, когда внезапно ощутил, что сзади его схватили за руки. Тут же ему на голову был наброшен плотный шарф, заглушивший его удивлённый возглас. Он не видел, что происходило потом, но понял, что чьи-то сильные руки заталкивают его в открытую дверь фургона. Сквозь шарф Томас услышал, как со скрежетом заработал мотор автомобиля. Он попытался кричать, попытался вырваться, но всё было тщетно.

Леденящий ужас парализовал его. Кто были эти нападавшие? Большевики, анархисты, эваллонские республиканцы или наёмники завистников-конкурентов? Может это были американцы, которые два дня назад по телеграфу предложили за «Кроу-Пресс» десять миллионов долларов? Куда его везут? К иностранному кораблю на побережье, или в притон в городских трущобах?..

После целого часа борьбы с собственными страхами шарф сдёрнули. И Кроу обнаружил себя в одной машине с пятью крепкими молодыми людьми в дождевиках, у каждого из них нижняя половина лица была замаскирована платком. Дождь прекратился, и машина, казалось, взбиралась на какой-то холм, освещённый лишь сиянием далёких звёзд. В окно фургона проникал запах мокрого папоротника и вереска.

Томас набрался мужества и насколько возможно твёрдым голосом потребовал назвать причину столь дурного с ним обращения, а так же цель их путешествия.

— Всё в порядке, Линклейтер, — сказал ему один из парней. — Скоро ты всё узнаешь.

Они называли его Линклейтером! Понятно, что похитители ошиблись, но эта их ошибка внезапно успокоила Кроу. Его инкогнито не пострадало. Первое правило всей его жизни не было нарушено, поэтому Томас больше не протестовал.

Глава 3, о Бэк-хаусе у озера Гэррох

Автомобильная дорога к истокам ручья, питающего своей водой озеро Гэррох, идёт не по долинам, а закладывает широкие петли вокруг мшистых холмов, приближаясь к своей цели осторожно, словно подкрадываясь. Но пешеходу туда легче добраться. Он может отправиться по просёлку, пересекающему вересковую пустошь Клэчленд и холмы, окружающие урочище Треш. Оттуда он может спуститься в похожую на амфитеатр долину Гэррох с одноимённым озером посередине, тёмнеющее в тени горы Калдрон, а также ручьём, серебряной лентой пробивающимся через топи, и белой лентой пригодного автомобильного шоссе, и заканчивающегося у ворот одинокого коттеджа.

Первые пятнадцать миль от Блэйвери Джейки и Дугал проехали на автомобиле мистера МакКана. Около трёх часов дня они достигли последней долины у начала Клэчлендских земель, и оттуда неторопливой походкой направились прямо в холмы. На Дугале был новый походный костюм из твида. Шорты сидели плохо, куртку пришлось нести в руке, настолько она была жаркая, а шляпы у него не было. Джейки, который ненавидел обновки, был в старой фланелевой рубашке, и его тренированная фигура выглядела в ней аккуратно и даже модно. Иногда друзья шли неторопливо, иногда шагали энергично, а порой и останавливались, когда на Дугала накатывалось вдруг желание поболтать. Он находился сейчас как раз в той начальной стадии отпуска, когда отдыхающему требуется избавиться от накопившихся за все шесть месяцев невысказанных разговоров со своим ближайшим другом. Это было так же неизбежно, как жара и дискомфорт первого дня похода. Джейки говорил мало и отвечал по большей части односложно, оставаясь как в жизни слушателем.

Конечно, невежливо подслушивать разговоры молодых людей, особенно когда поток их красноречия так долго сдерживался. Дугал, так сказать, подобно современному Ариэлю, носился между низменным и возвышенным, порой воспаряя в стратосферы риторики. После долгой разлуки он воссоединился со своим единственным доверенным лицом и другом, и не собирался жалеть его. Он делился с ним своими повседневными проблемами, тривиальными заботами, и сетовал на непроходимую тупость окружающих его обывателей. Горячо защищал свои политические пристрастия, и так тщательно разграничивал свои воззрения и точки зрения всех остальных людей, что создавалось впечатление, будто его партия представляет собой буквальное продолжение его собственного «я». Затем последовали страстные объяснения жизненных планов и амбиций. Он уверял Джейки, что не разбрасывается, а чётко и последовательно движется к намеченной цели. Его перо и голос набирают силу, и скоро мир его услышит. О чем он может сказать? И тут последовало эклектическое изложение неких благородных идеалов. Из него выходило, что Дугал был одновременно интернационалистом и патриотом, гуманистом и сторонником насилия, поэтом, но, в то же время, законченным реалистом.

Так они дошли до урочища Треш, где на лужайке между двумя поросшими вереском обрывами среди мха пузырился и бурлил родник. Измученный жаждой идеалист и патриот припал к нему и напился. Когда он поднялся с колен, с чуба его упали капли.

— Мне иногда кажется, что я теряю тебя, Джейки, — сказал он своему спутнику. — Ты сильно изменился за последние два года. Ты как будто живёшь в каком-то другом мире, чем я, и в тебе остаётся всё меньше и меньше от настоящего шотландца. Когда я говорю с тобой и рассказываю свои новости, мне кажется, что мысленно ты меня критикуешь. Или я не прав? Ты такой чертовски вежливый и молчаливый, но я всё равно чувствую, что в душе ты надо мной посмеиваешься. Может быть, и по-дружески, но всё равно смеёшься. Ты как бы повторяешь про себя: «Ох уж этот Дугал! С каждым днём всё глупее... Да и сам он не лучше дикаря!»

Джейки посмотрел на раскрасневшееся лицо своего друга и улыбнулся, но в улыбке этой не было и грамма критики.

— Я часто думаю, что ты чокнутый, Дугал. Но мне нравятся эти глупости.

— В любом случае, сам-то ты совершенно другой. Ты самый умный человек из всех, кого я когда-либо встречал. Это то, в чём мы с тобой коренным образом отличаемся. Я либо горю от жара, либо стучу зубами в ознобе, а у тебя всегда хорошая, средняя, нормальная температура. Я всем говорю правду в лицо, нравится им это или нет. Ты же и в отпетом негодяе умудришься отыскать что-нибудь хорошее, а нет — так будешь держать язык за зубами. Я за то, чтобы швыряться кепкой в луну, но ты свою оставишь на голове. Нет-нет, — и тут Дугал сделал жест рукой, словно бы отметая возможные возражения Джейки. — То же самое было заметно и в вашем футболе вчера днём. Ты не стал биться головой о каменную стену, а ждал удобного случая. Когда он появился, то ты бросился словно молния, а до того ты не желал потратить и атома своей силы.

— По-моему, это очень по-шотландски, — смеясь, заметил Джейки. — Мы ребята прижимистые.

— Нет, это не по-шотландски. Мы вовсе не прижимистые. Не знаю, какой недоумок придумал про нас эту клевету. Но мы тратим себя на бесполезные дела — и всегда тратили. Как они говорят про нас? «Пылкие нравом горцы»? В тебе много пылкости, Джейки?

— А разве нет? — спросил друг вежливым тоном.

— Конечно же, нет! Ты смелый и сообразительный, но это разумная смелость. Ты же помнишь, как у Стивенсона в «Катрионе» Алан Брек объяснял свою храбрость: «Просто понимание ситуации и опыт в таких делах». Это твоё... Но нельзя сказать, чтобы у тебя не было отваги, как у Дэвида Бальфура — «старого, упрямого, сурового и чертовски храброго».

— Я вовсе не смелый, — сказал Джейки. — Я почти всегда трясусь от страха.

— Вот именно, все вы так говорите... Это называется «преуменьшением» — есть такой трюк в английской грамматике, и ты его прекрасно знаешь. И в этом я тоже не похож на тебя! Меня ты на преуменьшениях не поймал. О своих достоинствах, как и о своих пороках, я готов кричать на улицах! Если мне кто-то не понравился, я готов дать ему в морду, а ты будешь думать, не обидел ли его чем-то... Я хочу изменений, и я должен переть прямо к ним, словно молодой бык. Если я вижу, что кругом творятся грязные дела, то я — за революцию! Но тебя, кажется, подобное не очень беспокоит. Кажется, я и забыл — ты же всегда любил играть роль адвоката дьявола! Было время...

— Не думаю, что я изменился, — сказал Джейки. — Я парень медлительный, и меня так отчаянно увлекают разные вещи, так что по жизни я продвигаюсь ощупью. Понимаешь, я так занят, что у меня не остаётся времени на ненависть. К тому же, я вовсе не крестоносец как ты, Дугал.

— Плохой из меня крестоносец, — с сожалением в голосе ответил тот. — Часто я загораюсь чем-то таким, о чём ещё мало знаю, а как только я узнаю побольше, страсть моя тут же куда-то улетучивается. А вот ненавидеть я могу, и это не даёт мне заскучать. В этом мы с тобой тоже различны. Если я дам кому-то в морду, то в итоге я, скорее всего, пожму ему руку. Ты же сразу начинаешь с рукопожатия, а потом... пусть поможет Бог тому мужчине или женщине, религии или партии, которых ты решишь невзлюбить. Я собираюсь навести шороху в мире, но я твёрдо знаю, что никогда не буду жестоким. А вот насчёт тебя я не уверен.

— Я не собираюсь быть жестоким.

— Именно поэтому ты им когда-нибудь станешь. Нет, я серьёзно, Джейки. Это чертовски печально, когда два друга, такие как я и ты, вдруг начинают идти по двум разным сторонам дороги. Потом их пути начинают расходиться, и через десять лет... вроде бы, они ещё идут рядом, а на самом деле их разделяют мили и мили. Ты уже не тот хороший шотландец, каким был раньше. Я тут схожу с ума, видя как моя родная страна катится вниз — в городах не продохнуть от ирландцев, село вымирает, наши шотландские законы, наш язык, наша письменность — все они дряхлеют, будто старуха у камина... Чёрт возьми, парень, через пол-

века от нас вообще ничего не останется! Мы превратимся в окраину Англии, всеми забытую и никому не интересную!.. Но тебя это, разумеется, не беспокоит. Я даже думаю, что ты с удовольствием стал бы англичанином. Что ты там говорил за ужином мистеру МакКану? Что «англичане потому так успешны в политике, что никогда не теряют чувства юмора»?

— Может, ты и прав, — ответил Джейки. — Но чем больше я живу за пределами Шотландии, тем больше я её люблю. Когда мне скучно, я начинаю вспоминать любимые места — в основном, в Кэнонри — а когда я думаю о дыме из каминов, в которых горит торф, то меня даже начинает слегка подташнивать от этого запаха детства. Как полагаешь, смогу ли я когда-нибудь забыть всё это?

И Джейки широким жестом указал на панораму, открывшуюся перед ними в этот момент. Они как раз миновали урочище Треш, и впереди был уже виден спуск в долину. Октябрьский полдень был тёплым и безветренным, и ни единое облачко не нарушало ровную синеву неба. В июне такая погода вызвала бы дымку над болотами, но в этот осенний день, начавшийся с заморозков, кристально чистыми были очертания даже самых далёких холмов. Горы обступали амфитеатр долины — круглый лысый лоб Йирни, две вершины Калдрона, серая твердыня Калмартона, огромная грозная громада Мунроу. У далёкого горизонта голубизна неба бледнела, а холмы, видимые за одним из ущелий, создавали впечатление бесконечной череды гор. Болотистая долина была похожа на цветную мозаику, напоминающую восточный ковёр, а ручей Гаррох вился поверх него словно золочёный шнур закладки поверх обложки молитвенника. Озеро было тоже видно, но лишь едва-едва, настолько вода его была тёмной в тени горы Калдрон. Воздух был полон звуков — тихо журчал ручей далеко внизу, где-то блеяли овцы, время от времени щебетали птицы. И всё же вокруг царила удивительная тишина, присущая синим небесам вверху и первозданной пустоши у них под ногами. В этой тишине и одиночестве покоившейся здесь несчётные века, прошедшие с момента сотворения мира, здесь звучала песня жизни и смерти, воспеваемая природой ещё с той поры, как впервые сформировались эти скалы.

Наши друзья смотрели молча. То, что они видели, затронуло в их душах какую-то глубинную и потаённую струну.

Дугал нарушил молчание только внизу, когда тропинка уже вилась среди папоротников.

— Мне нужен твой совет, Джейки, — сказал он. — Это совсем не вопрос морали, больше вопрос хорошего тона. Как ты знаешь, я получаю свою зарплату в фирме Кроу, и считаю, что отрабатываю её сполна. Но саму эту работу я презираю, презираю газеты, в которых публикуюсь, и презираю самого себя. Слава богу, я не имею ничего общего с политикой редакции, но я спрашиваю себя, вправе ли я брать деньги за то, от чего меня тошнит?

— Ты отвечаешь за написанное в газете не больше, чем наборщик, составляющий из свинцовых буковок целые слова. Ты просто техник.

— Я говорил сам себе это тысячи раз, но я вовсе не уверен, что ответ этот — верный. Это понятно, что если я уволюсь от Кроу, он даже не заметит этого. На моё место тут же наймут кого-нибудь другого, да ещё на более низкую зарплату. Ну, может быть и не за более низкую... потому что, надо признать, они там не скряги. Но ведь это плохо, работать над тем, что сам же и презираешь? Я как бы снисхожу до своей работы, а ведь это вредно для человеческой души.

— Я не вижу ничего плохого в газетах Кроу, — пожал плечами Джейки. — Они глупые, но вполне приличные.

— Приличные! — воскликнул Дугал. — Это как раз то, чем они точно не являются. Это самые неприличные газеты, и как их только Господь терпит! Я не имею в виду, что там печатают непристойности, конечно. Но даже если бы вдруг начали печатать — это только сделало бы их чуть-чуть более порядочными. А сейчас они потворствуют самым низким, самым грязным, самым третьесортным свойствам человеческой натуры. Их политика — это опиум, препятствующий пробуждению самосознания народа. Все эти бесконечные конкурсы, реклам-

ные трюки, продажа страховок и устройство пикников для читателей — это же просто уловки, чтобы поднять тираж и цену на рекламу. Ладно, против этого я не возражаю, поскольку все так делают. Но этот их оптимизм, этот их чёртов оптимизм, от которого у меня мороз по коже! Господи боже! Не осталось уже ни одной вульгарности, ни одной глупости, которую бы они не выкопали и не опубликовали бы самыми что ни на есть прописными буквами! И за всем этим стоит один человек — этот самый Кроу!

— Ты его когда-нибудь видел? — поинтересовался Джейки.

— Ни разу. Да его никто не видел. Говорят, у него есть дом где-то в Кэнонри, где он живёт, когда ему надоедают отели. Но я изучаю Кроу, о да! Перед тобой целый специалист по Кроу! У меня дома уже целых четыре альбома вырезок этого Кроу. Вот здесь те, что я ещё не успел туда вклеить.

Он достал из кармана пачку газетных вырезок.

— В основном, это статьи об Эваллони, — скривился он. — Мне безразличны тамошние проблемы. Если Кроу хочет стать «творцом королей», ему придётся противостоять целому народу. Но ты послушай другие заголовки: «Советы Кроу подрастающему поколению». Или вот: «Мистер Кроу о современном театре». Должно быть, он смотрел пьесу из-за кулис, поскольку никто никогда не видел его в ложе. Вот ещё: «Мистер Кроу о современном браке». Да откуда ему вообще что-то знать о браке?! «Предупреждение мистера Кроу профсоюзам». Туда-то он зачем лезет?! «Мистер Кроу о величии Англии», «Открытое письмо мистера Кроу президенту США». Почему бы президенту США просто не послать его к чёрту?! И такого у меня набралось уже на целую книгу о нём. Он постоянно критикует что-либо, но всегда с этакой доброжелательной улыбочкой на лице. Знаешь, как можно сформулировать его кредо? «Мы живём в лучшем из миров, а всё плохое в нём — лишь неизбежное зло». Он смешивает вместе тонизирующее лекарство и успокаивающее, а получается рвотное — по крайней мере, для меня.

Тут Дугал взмахнул вырезками так, как будто хотел подбросить их в воздух.

— К этому Кроу никак не подобраться, поскольку он не читает других газет, кроме своих собственных, а его самого охраняют словно оружейный завод. Но я надеюсь когда-нибудь столкнуться с ним лицом к лицу. Когда-нибудь я получу шанс высказать ему всё, что думаю о нём, как и каждый честный человек...

Он не договорил, потому что Джейки вдруг выхватил у него из руки пачку вырезок, смял их, выкинул в лужу и придавил каблуком.

— Ты чего?! — заорал Дугал. — Ты же испортил мне всю коллекцию!

— Лучше испортить её, чем наш отпуск. Послушай, парень: на следующие семь дней ты просто обязан выбросить из головы этого Кроу и всю его писанину. Мы пришли сюда ради красот природы, и я не хочу, чтобы твоё журналистское нытьё мне всё разрушило...

Следующие пять минут на тропинке происходила дружеская возня и весёлая потасовка, пока Джейки, наконец, не уступил и бросился спасся бегством. Когда Дугал догнал его, был заключён мир, и вскоре они стояли уже перед воротами в старой каменной стене.

— Слава богу, вот и Бэк-хаус, — сказал Дугал. — Умираю, как хочется чаю.

Тропинка привела их в небольшой дворик позади коттеджа, обогнув который, они вышли к месту окончания автомобильной дороги, ведущей сюда из Гэрроха. Дверь коттеджа выходила на аллею из плохо утрамбованного гравия. Собственно, Бэк-хаус был чем-то большим, нежели простым коттеджем; полвека назад, когда мода на долгосрочную аренду ещё не успела распространиться по горным долинам, он был владением одного преуспевающего фермера-овцевода. Дом был двухэтажным, с небольшой выступающей пристройкой сбоку; в образовавшемся углу рос огромный куст белых роз. Крыша дома была черепичной, стены из горного гранита сверкали свежей побелкой, а поверх неё красками были нарисованы сцены охоты. С одной стороны дома алела ягодами рощица рябины, а за ней были видны огороженные картофельные

грядки и кусты крыжовника в окружении жёлтого золотарника и позднецветущих флоксов. К другому концу здания примыкали надворные постройки, а у стены овчарни над корытом вышлся аппарат для варки дёгтя, похожий на миниатюрную виселицу. Двор, казалось, спал в солнечном послеполуденном покое. Из сада доносилось гудение пчёл и неторопливое, довольное кудахтанье кур, слышен был и плеск ручья, сбегаящего по крутым склонам горы Калдрон, но все эти звуки, казалось, тонули в царившей вокруг тишине. Аромат вересковых пустошей смешивался с резким и чистым ветерком, прилетевшим с моря, и на этом великолепном фоне острее чувствовались запахи более домашние — торфа, горящего в камине, овец на лугу, и еды, готовящейся на кухне. Всё, что было видно вокруг, слышно, и ласкало обоняние — всё это как бы навевало усталому путнику весть о близком и желанном отдыхе.

Шорох гравия под ногами Джейки и Дугала привлек внимание хозяйки — женщины лет сорока пяти, с фигурой напоминающей героинь былин или сказаний. Женщина была широкоплечей, крепкой и по-гренадерски высокой. Её прекрасное, широкое лицо было загорелым, словно жёлудь, а черные волосы и глаза напоминали о цыганских корнях. Думается, она только что занималась сбиванием масла, поскольку руки её были обнажены, а юбка заправлена наверх и стянута ремнём килта так, что была видна под ним пёстрая нижняя — всё это вместе делало её похожей на воительницу из какого-нибудь клана горцев.

Но приветствие её не было воинственным, как ожидал Джейки. Наоборот, увидев их, она весело рассмеялась. Она стояла в дверном проёме и буквально тряслась от смеха. Затем, жестом руки потребовав тишины, она спустилась с крыльца и поманила наших путешественников к воротам сада — вероятно, она не желала, чтобы в доме слышали их разговор.

— Вы получили мою открытку, миссис Каттерик? — спросил Джейки, когда они остановились под рябиной.

— Да, я получила. И рада видеть, что ты не соврал и приехал. Да только момент сейчас не тот. У меня уже есть постоялец.

— Мы вовсе не хотим доставить вам неудобство, миссис Каттерик, — начал Джейки. — Мы вполне можем пройти дальше по ручью до озера. Пастух пустит нас переночевать в шалаше.

— Не говори ерунды. Никогда ещё Тибби Каттерик не указывала своим друзьям на дверь. Да и запасные кровати для вас найдутся. Но момент, и вправду, не тот, я занята сейчас другим делом. Я нынче вроде как караульщица.

— Вы... кто?!

— Караульщица. Ну, знаешь, кто охраняет. У меня тут один особый постоялец, и до завтрашнего утра я никак не могу взять других... Знаешь, я тебе всю правду скажу, как на Евангелии. Сын моего сводного брата учится в колледже на священника, и завтра утром у них выборы — ректора, директора, не знаю кого. И там выставился один глупый парень, который моего племянника однажды ужас как оскорбил. Ну, Эрчи мой, он же весёлый, зла не помнит, и потому он взялся повернуть одну потешную штуку: он его похитил! Как уж точно похитил, я тебе сказать не могу, сама не знаю, но вчера полночь он приехал сюда в тамабиле, привёз этого парня и заставил меня побожиться, что я не выпущу его раньше послезавтра... Так что, теперь я вроде как караульщица!

И миссис Каттерик вновь содрогнулась в приступе неодолимого смеха.

— Так что, он сейчас в доме?

— В самой лучшей комнате. Я растопила ему камин, а то он всю дорогу дрожит. Каков он из себя? Ну, такой ворчливый коротышка, лысый и в дурацких очках. Как по мне, так староват для студента, но Эрчи мне пояснил, что на доктора надо долго учиться. Линклейтер его прозывают.

— С ним были проблемы? — с тревогой спросил Дугал, словно бы желая помочь «караульному» в её заботах.

— Нет, никаких. Мой муженёк нынче на ярмарке в Гледмауте, да только я и одна справлюсь с двумя такими, как этот парень. Нет, он даже и не пытался что-то сказать. Просто поужинал, словно у себя дома, и только «спасибо» сказал, а больше и ни слова. Я дала ему ночную рубаху Джона, а утром он побрился мужниной бритвой. Нет, он не буйный, говорит тихо, никаких хлопот с ним. Выговор у него вроде как английский, а меня он прозывает «мадамой». Может, Эрчи и не шибко хорошо с ним поступил, но племяш есть племяш — не могла же я его прогнать...

Джейки снова сказал, что не хочет причинять неудобств, и лучше они переночуют у пастуха, и снова его предложение было отклонено.

— Теперь, когда вы всё знаете, можете остаться, — сказала миссис Каттерик. — Я не могла сказать вам всё у двери кухни, а то бы этот Линклейтер подслушал. Обедать можете со мной на кухне, а на эту ночь для вас найдутся две койки на чердаке. Но будет лучше, если этот парень вас не увидит. А то он может подумать, что и вы замешаны в розыгрыше моего Эрчи. Хотя сегодня он даже ни разу из комнаты не вышел, и ни слова не сказал. Только спросил, как место называется, да далеко ли отсюда до Глен-Кэллоу. Не пойму только, зачем ему в Глен-Кэллоу, если сам он из Киркмайка, как Эрчи говорил. Ах да, и ещё он хотел послать телеграмму, но я ему сказала, что до почты шестнадцать миль вдоль ручья, и завтра он может пойти туда сам. Но мне просто интересно, как он туда дойдёт в этих лаковых туфлях. Никогда таких не видела — тонкие, словно из бумаги. Можно, конечно, дать ему велосипед Джона, или тот, который молодого пастуха на западном лугу. На нём он, может, и доехал бы... Но, как я всегда говорю, «не переходи моста, не дойдя до реки». С маслом я уже управилась, сейчас поставлю чайник. Не успеете умыться, как он закипит.

Полчаса спустя Джейки и Дугал на кухне набивали рот овсяными лепёшками и свежиспечёнными булочками, и заливали свою немаленькую жажду ароматным и крепким чаем. А хозяйка, одетая теперь несколько более прилично, председательствовала за столом.

— Мне пришлось и Линклейтеру отнести чай, — извинилась она за задержку. — Он всё дрожит от холода, бедняжка. Места себе найти не может. Пытался книжку читать, да без толку. Пишет сейчас телеграммы, одну за другой. Спрашивал, кто приходил. Я сказала, что два паренька с рюкзаками, прохожие. Кажись, он вас испугался, да и чему тут удивляться. Любой бы испугался, кабы его похитил такой чертёнок, как мой Эрчи. Я попыталась его хоть как то успокоить: сказала насчёт утра и велосипеда моего Джона.

Но ужин вышел не таким весёлым, как прошлый раз, когда Джейки гостил здесь раньше. Миссис Каттерик выглядела озабоченной и вовсе не была настроена на шутки и сплетни. Похоже, новая для неё работа «караульщицы» тяжестью легла на её плечи. Казалось, она всё время прислушивается к звукам, что доносились из задней части её дома. Дважды она даже выходила из-за стола и на цыпочках приближалась к двери комнаты «Линклейтера», чтобы подслушать, чем он там занят.

— Никак себе места не сыщет, — сообщила она, в очередной раз вернувшись за стол. — Ходит и ходит по комнате, словно курица на верёвочке. Как бы с ума не сошёл! Ох, пусть только Эрчи вернётся, уж я накостыляю ему по затылку... Караульщица! Разве ж это работа для порядочной миссис?!

Затем, после вопроса Джейки о сильном буране, что обрушился на долину в прошлом апреле, она на какое-то время чуть-чуть отвлеклась.

— Тридцать три ягнёнка той ночью замёрзли насмерть!.. Джон просидел в шалаше под снегом девятнадцать часов, я уж и не чаяла, что он вернётся. Бедняжка, у него даже еда кончилась — он пил виски с овечьим молоком да спал круглые сутки, только тем и выжил... Я здесь растопила камин и взяла всех ягнят в дом, завернула в одеяла. А потом снег разом стаял, и ручей так вспучился, что нас чуть потоком не смыло! Болото было что твоё море, а с Калдрона

вода так и текла. Почта неделю не ходила, так как все мосты отсюда и до Портоуэя смыло в Солвей... Тсс, тихо!

Она прислушалась. Из гостевой комнаты послышался слабый зов: «Мадам!».

— Это он, Линклейтер. «Мадаму» зовёт — меня, то есть... Уже иду!

Она скоро покинула кухню, прикрыв за собой дверь, а вернулась с серьёзным лицом.

— Спрашивает, не отнесёт ли кто из вас, ребята, его телеграмму на почту. Ужасно волнуется. «Мадам, — говорит он мне своим английским, — уверяю вас, что это вопрос перво-степенной важности!».

— Да ну, это нонсенс, — ответил Дугал. — После целого дня пути, отшагать ещё шестнадцать миль?! Пусть ждёт до завтра. Кроме того, пока мы дойдём, почта уже закроется.

— Так-то оно так, но послушайте меня, — сказала миссис Каттерик голосом тихим от благоговения. — Он даст двадцать фунтов тому, кто согласится. У него в кошельке полно денег — он показал.

— Откуда, во имя всего святого, у студента-медика могут взяться двадцать фунтов?! — не поверил Дугал.

— Так я и говорю, что не больно-то он и похож на студента! И на грубияна, который мог обидеть моего Эрчи, он тоже не походит! С виду-то он и мухи не обидит! И он старше меня. Да что там, он даже старше моего Джона! Я ничего не хочу сказать, но что если этот глупыш Эрчи похитил самого лорда-мэра?! И что нам тогда делать?!

— Может лучше нам поговорить с ним, — сказал Дугал. — Как-то нехорошо заставлять его волноваться.

— Только входите по одному, — посоветовала миссис Каттерик. — А то он нервный, что твоя корова. Иди ты, Дугал. Ты меньше похож на студента.

Дугал ушёл, и в кухне повисла тишина. Миссис Каттерик не сводила взгляда с двери комнаты с видом таким драматическим, как будто бы она была в театре и ожидала момента поднятия занавеса. Постепенно Джейки тоже забеспокоился.

— Забавное дело, миссис Каттерик, — проговорил он наконец. — Мы с Дугалом приходим сюда в поисках мира и спокойствия, и обнаруживаем, что Бэк-хаус у озера Гэррох вдруг превратился в бандитское логово. Кэнонри становится оживлённым местечком! Да ещё эти ваши выборы...

— Да, я слышала о них, почтальон рассказывал. Мой Джон сходит на них, если выкроит денёк. Он ходит и голосует каждый раз, как честный человек, но мы никогда толком не слышим, кто их выиграл. Здесь, в ущелье, мы далеки от политики... Тихо! Кажись, это Дугал!

Но это была ложная тревога. Дугал не возвращался ещё минут тридцать, а когда вернулся, то лишь молча открыл дверь на улицу и резким движением головы велел Джейки выйти следом. Дугал провёл приятеля в самый дальний угол сада, а затем посмотрел ему прямо в лицо взглядом таким взволнованным и зловещим, что, казалось, сейчас он сорвётся на крик. Но Дугал не закричал; вместо этого он хрипло зашептал:

— Ты помнишь наш разговор по дороге? Так вот, Небеса ответили на мои молитвы!.. Как ты думаешь, кто это там сидит взаперти? Так я тебе скажу, кто — это сам Кроу!

Глава 4, о разведке у замка Гай

Когда Дугал и Джейки вошли в комнату, которую занимал великий человек, заходящее солнце через чистое окно освещало весь её нехитрый крестьянский уют — овчинные шкуры вместо ковров на полу; семейные фотографии в рамках на стене, украшенные гирляндами из яиц кроншнепов; простая, но удобная мебель. Мистер Кроу в этом потоке света совершенно терялся. Привыкший за тридцать лет к помощи усердного слуги, он — сын школьного учителя из Килмаклаверса — сегодня с трудом справился с собственным туалетом: его редкие волосы торчали в беспорядке, а элегантный синий костюм носил следы неоднократных столкновений с белёными стенами его узкой спальни. Кроме того, он совершенно потерял то, что писатели называют «внутренней уравновешенностью». Сидя в удобном, набитом конским волосом кресле, придвинутом к столу, он изо всех сил старался выглядеть так, будто владеет ситуацией, но взгляд его был испуганным, а пальцы нервно барабанили по столу.

— Это мистер Галт, сэр, — представил своего приятеля Дугал. — Он из колледжа святого Марка в Кембридже.

Мистер Кроу кивнул.

— Вашему другу можно доверять? — проговорил он, нерешительно взглянув на Джейки.

То, что он увидел, вряд ли сильно его успокоило, поскольку по лицу юноши было заметно, что он изо всех сил старается не рассмеяться. Поэтому мистер Кроу принял за лучшее смотреть не на собеседника, а на фотографию покойной королевы Виктории на стене.

— Мне приходится быть осторожным, — продолжил мистер Кроу, обращаясь уже как бы к королеве. — Не по своей вине я оказался в крайне деликатном положении. Я стал объектом розыгрыша со стороны неких неизвестных мне молодых людей. Я не виню их. Я и сам когда-то был студентом. Но это прискорбно, очень прискорбно. Я полагаю, произошёл случай ошибочной идентификации. К счастью, мне удалось остаться неузнанным. В мире я хорошо известен. Думаю, вы понимаете, что мне не хотелось бы, чтобы моё имя ассоциировалось со случаем студенческого... «прикола» — кажется, так нынче называются розыгрыши.

Двое его слушателей кивнули с самым серьёзным видом. К такому явному несчастью невозможно было не отнестись со всем уважением.

— Мистер... как вы сказали? Кромби? Мистер Кромби сообщил мне, что работает в редакции одной из моих газет. Поэтому, я полагаю, что имею право обратиться к нему за помощью. Он также уверил меня, что я могу также рассчитывать на вашу осмотрительность и деликатность, — тут мистер Кроу снова посмотрел на Джейки. — Мне необходимо, чтобы этот прискорбный случай никогда не стал достоянием широкой публики. Я добился в жизни успеха, и поэтому у меня есть соперники. А из-за того, что я пользуюсь влиянием в правительстве, у меня есть даже враги. Моё общественное положение зависит от моего авторитета, и я не хочу снижать свою полезность, оказываясь в центре нелепой истории.

Мистер Кроу постепенно успокаивался и оттого говорил уже более спокойно. Он чувствовал, что эти двое молодых людей были как бы уже из его «семьи», потому и говорил с ними так, как если бы он обращался к Фредди Барбону, или Сигизмунду Аллинсу, или Арчибальду Баффу, или дворецкому Баннистеру, или к этой незаменимой старой деве мисс Елене Казеновой.

— Не думаю, сэр, что вам нужно опасаться огласки, — сказал Дугал. — Студенты, которые похитили вас, обнаружат свою ошибку, как только увидят настоящего Линклейтера, пришедшего на выборы. Они не знают, кто именно был похищен, и не захотят узнать. Думаю, можно быть абсолютно уверенным, что они не захотят распространяться о собственной ошибке. Ничто не помешает вам завтра же послать телеграмму в замок Гай и вызвать сюда автомобиль. Вы сможете вернуться домой, как ни в чём не бывало. Миссис Каттерик даже

никогда не слышала вашего имени. Насчёт нас с Джейки вы тоже можете быть совершенно уверены: мы будем держать язык за зубами.

— К сожалению, ситуация не такая простая, — тут мистер Кроу на секунду прикрыл дрожащей рукой глаза, словно бы пытаясь отгородиться от неприятной картины. — В настоящий момент в Кэнонри проходят дополнительные выборы, и они широко освещаются в прессе. Здесь в округе полно журналистов и специальных корреспондентов из лондонских газет. Многим хотелось бы и меня втянуть в эти выборы, но я всегда противился этому. Я даже намеревался уехать за границу, пока они не закончатся, поскольку подобное вторжение в моё сельское уединение мне крайне неприятно. Можно быть уверенным, что в данную минуту журналисты так и выются вокруг замка Гай. Мои слуги, определённо, подняли тревогу, когда я исчез прошлым вечером. Обычно они стараются держаться в стороне, но в этом случае они будут просто обязаны начать меня искать. Должно быть, они уже позвонили в Глазго, или даже обратились в полицию. Возможно, слухи уже распространились широко, и за подходами к моему дому будут следить. Если хоть кто-то из этих журналистов узнает, что я был здесь — а в сельских районах телеграф, как вы знаете, является первым источником сплетен — то они неминуемо пойдут по моему следу. Они приедут сюда, возьмут интервью у хозяйки, затем по телефону передадут новости в Глазго... и не пройдет и дня, как эта нелепая история будет у каждого на устах, а в каждой газете, за исключением моих, будут дюймовые заголовки.

— В чём-то вы правы, — промолвил Дугал. — Я знаком с повадками этих лондонских журналистов, и они не остановятся ни перед чем. Каков же ваш план, сэр?

— Я написал письмо, — тут мистер Кроу показал Дугалу листок низкосортной бумаги, которую миссис Каттерик предоставляла постояльцам для записей. — Я хочу, чтобы вы немедленно передали его в руки моего личного секретаря мистера Барбона. Каждый час промедления увеличивает опасность огласки.

— Не будет ли лучше, — предложил Дугал, — если вы возьмёте один из этих велосипедов — по словам хозяйки, их два в сарае — и я этой же ночью провожу вас до замка Гай. До него всего двадцать миль.

— Я никогда в жизни не ездил на велосипеде, — холодно ответил мистер Кроу. — Боюсь, что мой план — единственно возможный. Полагаю, я имею право обратиться к вам с просьбой о помощи.

Ему ответил Джейки. Первый день отпуска в горах и всегда-то приводил его в состояние восторга и опьянения жизнью, а сегодня крепкий чай миссис Каттерик и вовсе избавил его от всякого следа усталости.

— Нынче шикарная ночь, Дугал, — сказал он, — да и луна светит, словно фонарь. Я вернусь домой ещё до полуночи. Мне страсть как хочется прокатиться вдоль ручья отсюда до Кэллоу. А дорогу туда я знаю не хуже, чем собственное имя.

— Мы поедем вместе, — твёрдо сказал Дугал. — Сейчас я чувствую себя даже бодрее, чем в начале похода... Итак, каковы ваши инструкции, сэр?

— Вы передадите это письмо лично в руки мистеру Барбону. Я попросил его послать машину в нашу сторону завтра до полудня, и утром я отправлюсь пешком ей навстречу. Она должна ожидать меня не дальше, чем в миле от этого дома. И не нужно никому объяснять, как я сюда попал. Я не имею привычки отчитываться перед слугами о своих поступках.

Мистер Кроу вложил письмо в один из дешёвых конвертов, которые миссис Каттерик держала на столе для гостей, и скверной ручкой хозяйки довольно красиво надписал адрес. Теперь, когда его самообладание было восстановлено, движения его стали более точными.

— Я не забуду вам этого, мистер Кромби, — мягко сказал он. — Вам повезло, что вы можете оказать мне услугу.

В сарае Дугал и Джейки осмотрели велосипеды: один мужа хозяйки и другой — юного пастуха с западного склона горы.

— Я ем хлеб этого человека, поэтому я обязан ему помочь, — сказал старший из двух друзей. — Но его благодарность мне не нужна. Поверить не могу, что первую же ночь нашего отпуска мы проведём, пытаясь спасти лицо этого Кроу! Ты когда-нибудь видел его официальный портрет? В жизни мистер Кроу даже ещё более нелепый, чем я предполагал. Но приличия требуют помочь ему, и если его кости должны клевать вороны, то пусть это буду я, добрый шотландец, а не те лондонские стервятники.

Но эта внешняя резкость Дугала в суждениях, похоже, плохо соотносилась с внутренним состоянием. Для его товарища это уже вскоре стало очевидно: Дугал вилял рулём, натёкался на кусты вереска и крупные куски гравия, а один раз и вовсе едва не свалился в кусты, растущие вдоль дороги. Несомненно, он был взволнован. Младший офицер в огромной армии газетчиков, он вдруг оказался лицом к лицу с главнокомандующим. Как бы плохо он ни относился к своему генералу, но уже в самом этом сопоставлении обнаруживалось что-то романтическое, что-то такое, что заставляло сердце его биться сильнее и пробуждало воображение. Дугал относился к мистеру Кроу так же, как, скажем, истый республиканец мог бы смотреть на законного, но слабого монарха; тем не менее, порой даже такой республиканец может не устоять против проявления невинного снобизма и поспешить на улицу, чтобы посмотреть на королевский кортеж, проезжающий мимо. Более того, в этот момент главнокомандующий испытывал трудности, и его победа целиком зависела от усердия его скромного подчинённого. Поэтому Дугал пребывал в возбуждении, а такое состояние, как мы помним, всегда открывало шлюзы его красноречию. Он был полон решимости помочь своему начальнику, но его самоуважение требовало выказывать при этом критическую отстранённость.

— Как тебе понравился великий Кроу? — спросил он Джейки.

— Выглядит приятным малым, — был ответ.

— Да, внешне он довольно тихий. Говорит так, будто тикают дедовские часы. У него хорошие манеры, но действовать он привык по-своему. Он тот ещё манипулятор.

И Дугал приступил к анализу характера мистера Кроу, постепенно всё больше упиваясь собственной проницательностью. Как дважды два он доказал Джейки, что Кроу только с виду был великим и умным, а на самом деле не имел даже собственного мозга — он только крал и присваивал идеи других. «Он бочка, а не родник», — подытожил Дугал, на что Джейки, терпеливо выслушавший весь его анализ, посоветовал ему не пороть ерунды.

— Если человек так много добился в жизни, как этот Кроу, и стал настолько знаменитым, то говорить, будто у него нет мозгов — совершеннейшая чушь. У него их достаточно, просто они не такие, как у тебя, Дугал. По тебе же прекрасно видно, что ты жутко доволен возможностью сделать этому великому человеку одолжение. Ты даже, может быть, этим польщён.

Некоторое время Дугал молчал.

— Возможно, — сказал он наконец. — Мы все в каком-то смысле снобы — все, кроме тебя. Другого такого демократа я никогда не встречал. Ведь это про таких как ты говорят: «Он друг королю и нищему брат, если те дружбы достойны». И это не комплимент — в этом просто твоя сущность.

После такого от Джейки стало невозможно добиться и слова. Вскоре Дугал тоже притих, к тому же, и природа кругом, и поздний час, казалось, обволакивали их какими-то волшебными чарами. Тумана этим вечером не было, и в темноте сумерек каждый холм выделялся чётко очерченным пурпурным монохромом. Дорога, обогнув берег озера Гэррох, петляла среди небольших берёзовых и ореховых рощиц, а справа от неё по невидимым в темноте камням журчал ручей. Вскоре долина сузилась, и ручей скрылся в глубокой ложине, то и дело появляясь вновь, чтобы упасть водопадом через очередной порог, отражая последний аметистовый свет заката. Фонарей на велосипедах не было, поэтому ехать нашим путешественникам приходилось осторожно. А потом холмы вдруг отступили, ущелье превратилось в долину, а ручей побежал через дикие луга, заросшие камышом и папоротником.

Дорога шла вниз по течению ручья до пересечения с шоссе на Кэллоу недалеко от городка Портоуэй. Чтобы добраться до замка Гай, там нужно было повернуть налево и взобраться на холм, другая сторона которого принадлежала уже верхней части Глен-Кэллоу. Тут велосипедисты спешили и пошли по тропинке, петлявшей между покрытых травой пригорков, пока не добрались до седлообразной низины, называвшейся Пэд о'Слак; оттуда уже можно было видеть саму долину. Нельзя сказать, что видно было хорошо, так как уже сильно стемнело — это была особая, осенняя, очень глубокая темень, предшествующая восходу луны; но чувство, что перед путешественниками открылось большое пространство, было отчётливым. Снова сев на велосипеды, они осторожно съехали вниз по извилистой и неудобной тропинке и вдруг оказались на дороге из укрепленного битумом гравия, бегущей вперёд вдоль строя лиственных деревьев.

— Держись правее, — велел Джейки. — До ворот замка осталось пару миль.

Было хорошо видно, что где-то рядом расположено большое поместье. Даже в темноте было заметно, что природа перестала быть дикой, а стала окультуренной и ухоженной. Только что взошедшая луна позволяла рассмотреть высокую стену слева — но не такую, которой фермер огораживает пастбища, а солидную каменную, с полосой полированного гранита сверху. Деревья вдоль неё были тоже высажены вручную и аккуратно подстрижены. Немного далее стена кончалась двумя большими участками газона, защищённого цепями, натянутыми между белыми каменными валунами; между ними была видна гравийная аллея, сторожка с башенками и огромные металлические ворота, схожие обликом с решёткой в каком-нибудь зоопарке. Похоже, три поколения назад приход нео-готики оказал на лордов Райнсов значительное влияние.

— Ну и местечко! — заметил Дугал. — Не великовата ли эта устричная раковина для такого крохотного моллюска, как мистер Кроу?

Ворота оказались заперты. На одном из столбов имелся огромный колокольчик, Джейки дёрнул его за проволоку. Громкий звук эхом отозвался в тишине, но не вызвал в сторожке никаких признаков жизни. Джейки звонил снова и снова, словно извещая деревню о пожаре, а Дугал в это время стучал камнем по железной конструкции ворот. Но всё было напрасно.

— Они там или мертвецки пьяны, или померли все, — сказал наконец старший из друзей. — Впрочем я уверен, что в сторожке кто-то есть. Я видел отблеск свечи в верхнем окне. Почему они не откликаются?

Джейки, оставив колокол в покое, пытался что-то рассмотреть теперь сквозь решётку ворот внутри.

— Дугал, — зашептал он взволнованно, — глянь-ка сюда. Эти ворота забаррикадированы. Видишь, что там за ними? Они подпёрты двумя огромными брёвнами — ворота не откроются, хоть тарань их танком. Кто бы ни сидел там внутри, он чего-то здорово боится!

— Из сторожки за нами наблюдают, я это чувствую. Какого чёрта они ведут себя так, будто находятся в осаде?! Мне это не нравится, Джейки. Тут есть что-то такое, что мы не знаем — и Кроу не знает тоже. Не понимаю, как они могут думать, что способны защитить такое значительное пространство, как этот парк? Ведь через стену способен перелезть любой прохожий.

— Может, эта защита только от автомобилей... Что ж, мы тут только теряем время. Нам надо доставить письмо, а войти в парк можно где-нибудь ещё.

— Есть и другой вход?

— Да, есть. Этот вход считается главным, но есть и вторая сторожка — в миле от деревни Стар по дороге Нокроу-роуд. Но нам туда идти не надо. Мы можем бросить велосипеды здесь и пролезть в парк по мосту через ручей.

Они двинулись дальше по шоссе, миновав по дороге один или два коттеджа, в которых тоже не было света — жители этих мест рано ложатся спать, да и встают тоже рано. Когда

они вышли на открытое пространство, им стали видны освещённые окна большого здания на склоне справа; затем дорога спустилась вниз, к журчащему в темноте ручью.

Велосипеды спрятали под кустом боярышника, и Джейки взобрался на край парапета.

— Вполне можно пролезть, — сообщил он. — Надо только преодолеть пару ярдов, висая на руках, а потом прыгнуть вниз. Там футов десять и папоротник внизу, так что даже не ударимся.

Через пять минут они выбрались из зарослей папоротника на покрытую дёрном лужайку на берегу ручья Гэллоу. Луна стояла уже высоко, так что им был отлично виден знаменитый лесопарк замка Гай. Путеводители сообщали, что в нём водился и благородный олень, и лань, а в дальней его части — даже несколько диких животных с шотландских холмов. Но обитатели парка, должно быть, спали, поскольку Дугал и Джейки не встретили на своём пути, продираясь через заросли никого, кроме, пожалуй, случайного кролика или припозднившейся цапли. Они старались держаться берега ручья, поскольку Джейки помнил, что на карте замок находился где-то недалеко от воды.

Место было таким волшебным, что младший из друзей едва не забыл, зачем они сюда явились. Замок находился как бы в чаше среди высоких холмов, но при свете луны холмы казались взгорками, и Джейки даже вздрогнул, вдруг осознал, что соседний холм — вовсе и не холм, а гребень горы Мунроу в двадцати милях отсюда. Тени от деревьев были чернильно-чёрными на фоне бледной таинственности залитого лунным светом дёрна. Река тоже была вся чёрной — за исключением того места на мелководе, в котором отражалась луна. Тишину нарушал только тихий шорох диких животных далеко в зарослях, журчание ручья, да случайные всплески лосося.

Они вышли из лесопарка, и впереди показался замок. Он стоял на небольшой плоской возвышенности, с одной стороны которого склон спускался к парку и ручью, а с другой земля поднималась к заросшему елями Замковому холму. Луна окрашивала его в цвет слоновой кости, и он казался схожим с китайской резной драгоценностью на подставке из нефрита. При таком освещении он казался крохотным, и, чтобы понять его истинные размеры, требовалось соизмерять его с окружающими деревьями и прочим ландшафтом. Но впечатлял он не столько своим размером, сколько собственной красотой и архитектурным совершенством. Ночь превращала грубую средневековую постройку, дополненную торопливой реконструкцией недавних дней, в образец классического изящества. Джейки даже присвистнул, захваченный чистейшим удовольствием, которое даровало ему это видение.

А практичный Дугал не забывал о деле.

— Сейчас около одиннадцати часов, — сообщил он, — и, похоже, в замке все уже лежат в кроватях. Света нигде не видно. Прежде чем мы доберёмся до дверей, придётся пройти через сад. Думаю, нам следует не забывать о собаках. Здешний народ мне кажется каким-то нервным.

Но собак в саду не оказалось. С той поры, как наши двое увидели перед собой цель всего их путешествия, они, вспомнив прежние привычки, передвигались бесшумно, словно хорьки, и шли пригнувшись. Покинув более дикую часть парка, они пересекли участок недавно скошенного луга и за неглубокой канавой им были уже видны садовые террасы. Напряжённо прислушиваясь, они, пожалуй, слишком уж сконцентрировались взгляды на здании замка, и совсем забыли смотреть себе под ноги.

В итоге вышло так, что, пересекая канаву, они вдруг споткнулись об отдыхавшего там джентльмена. Дугал так прямо свалился на него, и двое наших друзей с изумлением обнаружили себя в компании испуганного невысокого человечка в штанах для гольфа.

От неожиданности тот даже выронил изо рта трубку, которую курил. Джейки нагнулся и вернул вещь её хозяину.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он, в темноте приняв незнакомца за одного из обитателей замка. — Надеюсь, вы не пострадали?

— Что вы тут делаете? — спросил тот в ответ, причём тон его был одновременно и извиняющимся, и агрессивным, словно бы он опасался, что и у него в свою очередь могут поинтересоваться, имеет ли он право сидеть в полночь в канаве и курить.

— Мы делаем то же, что и вы, — вежливо ответил Джейки. — Дышим свежим воздухом и любимся видами.

Коротышку этот ответ, похоже, устроил.

— Вы меня изрядно напугали, прыгнув вот так сверху. Я уж подумал, что это кто-то из егерей охотится тут на браконьеров, — сообщил он, снова набивая трубку. — И всё-таки, кто вы такие?

— Мы пара студентов на каникулах. Хотели осмотреть замок, но с дороги его видно не слишком хорошо, поэтому мы пересекли мост и пришли сюда вдоль ручья. Мы люди в ваших краях посторонние. Имеется ли в деревне гостиница? Что это вообще за место?

— В домах вокруг вы не найдете ночлег, — сказал он в ответ. — Лучше попытайтесь счастья в Портоуэе... Значит, вы студенты? А я уж подумал, что вы принадлежите к той же пишущей братии, что и я. Даже слегка обозлился. Я здесь по заданию газеты «Огонь».

Рука Дугала нашла в темноте запястье Джейки и крепко его сжала.

— Освещаете местные выборы, я полагаю? — поинтересовался старший из двух друзей, стараясь говорить равнодушным тоном.

— Плевать мне на выборы! Это было мое первое задание, А теперь я ловлю рыбку покрупнее! Знаете, кто живёт в этом доме?

Две головы качнулись в лживом отрицании.

— Сам Кроу, великий и ужасный! Томас Карлайл Кроу! Человек, которому принадлежат все популярные издания. Эй, ребята, если вы никогда не слышали о Кроу, то ваш Оксфорд ещё больше похож на гробницу, чем я думал!

— Мы из Кембриджа, — уточнил Джейки. — И мы, конечно же, слышали о Кроу. А что с ним такое?

— Ничего, кроме того, что он самый загадочный тип в нашей профессии. О нём можно услышать повсюду, но никто никогда его не видел. Он своего рода дельфийский оракул, вещающий из темноты. В моей редакции никому нет дела до выборов, зато все хотят знать об этом Кроу. Он наш самый главный конкурент, поэтому мы любим его не больше, чем кошка любит купаться. Он парень предприимчивый. За всеми его слащавыми статейками скрывается глупокая коммерческая цель, и ему прекрасно известно, как загребать шекели лопатой. Тираж его изданий всегда на десять процентов выше нашего. Он стал кумиром читающей публики, и пока мы не сорвём с него мантию пророка и не выьем из неё пыль, он всегда будет опережать нас на голову. Но до него чертовски трудно добраться, поскольку мерзавец застенчив, словно лесная нимфа. Когда здесь объявили выборы, мой редактор сказал мне: «Это твой шанс, Тиббетс. Отправляйся туда и выгони барсука из его норы. Делай, что хочешь, но вытащи его на свет божий. Покажи его миру, чтобы все увидели, что их всемогущий бог — просто напыщенный дурак! Предай его гласности, — сказал он, — поскольку для Кроу любая гласность подобна смерти, ведь она стрясёт позолоту с его портрета. Вот шанс всей твоей жизни!»

— И вам это удалось? — небрежно спросил Дугал.

Голос мистера Тиббитса зазвенел от патетики.

— Я уверен, — сказал он, — что лицом к лицу столкнулся с величайшей сенсацией в мире. Мне хватило и половины дня, чтобы понять, что мне не удастся заставить Кроу высказаться на тему выборов. Он слишком занят. Ему не интересно, чтобы моя газета, или какие другие, дословно напечатали его словесный понос самым красивым шрифтом и дополнили своими доброжелательными комментариями. Нет, этот петух не выйдет на бой... Но я обнаружил кое-что получше! Как думаете, какими будут все заголовки в завтрашней прессе? Утром в каждой газете будет стоять дюймовыми буквами: «Таинственное исчезновение мистера Кроу!»

Прислуга в ужасе!». И, клянусь богом, в этих заголовках каждое слово будет правдой! Потому что, этот человек и вправду таинственно пропал!

— Что вы имеете в виду?

— Пропал, потерялся. Он не вернулся в замок прошлой ночью.

— Может, он и не собирался. Может, он уехал за границу, пересидеть там до конца выборов.

— Ничего подобного. За границу он собирался завтра, и все приготовления к тому были уже сделаны — это я узнал, угостив выпивкой второго шофёра. Но вчера вечером он должен был вернуться в замок поездом, и в Киркмайкле его ждал автомобиль. Но он так в него и не сел. Здесь в замке такой персонал, что Букингемский дворец позавидует, и вчера они весь вечер названивали по телефону в Глазго. Похоже, что оттуда-то он выехал по расписанию... Это мне паренёк-шофёр всё рассказал: он здесь новенький и пока не такой чертовски скрытный, как все остальные. Что ж, с утра я на мотоцикле поехал в Киркмайкл и поговорил с кассиром на станции. Он вспомнил, что Кроу честь по чести сошёл с поезда — но потом он исчез где-то между замком и станцией примерно в четверть восьмого вечера. Поверьте мне, его похитили.

— Не слишком ли много предположений в вашем рассказе? — пожал плечами Джейки.
— Может, он вдруг передумал возвращаться, и приедет завтра... или прямо в эту минуту его слуги читают телеграмму, где и когда его встретить. Тогда вы и ваша редакция будут выглядеть довольно глупо.

— Без сомнений, такой риск есть, но я уверен, что игра стоит свеч. Видели бы вы лицо его секретаря! Я в жизни не встречал такого напуганного парня, как этот секретарь! Сегодня днём он ездил куда-то на машине — у него гоночная модель, способная делать миль восемьдесят в час — а когда он вернулся, у него было такое выражение лица, как будто он увидел призрак своего отца. Более того, они забаррикадировали ворота, будто при осаде. Сторожа меня не пустили, так я сделал большой крюк и постучался в заднюю дверь — и мне пришлось спасаться оттуда бегством! Уж поверьте мне, слуги в доме чем-то страшно напуганы, а мистера Кроу внутри нет... Вот загадка, которую я собираюсь разгадать, и я докопаюсь до её сути, не будь я Альберт Тиббитс!

— Что-то я не до конца понимаю... — сказал Джейки. — Если бы вы взяли у него интервью, вы бы прославились, расписав всю его глупость. Но если с ним произошёл несчастный случай... Не собираетесь же вы зарабатывать на чужом несчастье?

— На несчастье Кроу — почему бы и нет?! Разве вы не видите, что так можно вскрыть скорлупу тайны, которой он себя окружил? Мы сделаем из Кроу «источник новостей» — словно бы из какой-нибудь продавщицы, сбегавшей из дома с любовником, или из джентльмена в Сити, вдруг потерявшего память. Мы одним махом лишим его всего чёртова достоинства!

— Что ж, мистер Тиббитс, — сказал Дугал, вставая. — Пожалуй, мы не будем больше мешать вам предаваться полночным мечтаниям. Мы отправляемся искать ночлег. Вы сами-то где остановились?

— Моя штаб-квартира в Портоуэе. Но сейчас мой пост здесь, внутри и вокруг парка. А к лишениям я привычный.

— Тогда желаем вам удачи и спокойной ночи.

И через минуту двое уже шагали обратно вдоль ручья.

— С передачей письма придётся подождать до утра, — говорил Дугал. — Кроу был прав: его конкурентам не понадобилось много времени, чтобы выйти на след. Наша задача, друг мой Джейки, сделать газету «Огонь» посмешищем британской журналистики. Этот Тиббитс, похоже, тот ещё стервятник! Не дай бог, он выйдет на след студенческого розыгрыша и пройдёт по этому следу до конца! Есть пословица, что ворон ворону глаз не выклюет, но я клянусь ещё

до окончания драки выщипать ему все пёрышки из его авторучки... Знаешь, а я постепенно начинаю считать Кроу не таким уж и плохим человеком!

Глава 5, знакомящая нас с дамой

На следующее утро Джейки проснулся в номере гостиницы «Уэстуотер Армс» от скрипа половицы под ногой Дугала. Спал Джейки обычно крепко и к состоянию бодрствования возвращался медленно, словно бы выныривая из глубин сна. Тем не менее, даже в состоянии полусна ему подумалось, что свет за окном несколько ярче, чем в семь утра — время, которое вечером было назначено для пробуждения. Он потянулся за часами и увидел, что было уже почти девять.

— Почему не разбудил? — сонно спросил он Дугала.

— Не хотел. Но сам я не сплю с шести, — сказал он в ответ. — Знаешь, Джейки, похоже, что в этом деле проблем больше, чем кажется на первый взгляд. Я полночи не спал, обдумывая всё, что мы узнали. И уже кое-что сделал. Этот журналист не покинет своей засады без причины. Поэтому я на велосипеде съездил в Портуэй и позвонил по телефону в свою редакцию. Там застал мистера Тэвиша за завтраком. Пришлось рискнуть, и я сказал ему, что звоню из замка Гай по поручению мистера Кроу... Тэвиш, наверное, удивился, какого чёрта я делаю в замке... Словом, я сообщил ему, что вчера вечером мистер Кроу на несколько недель уехал на континент, и что сообщение об этом событии должно сегодня же появиться во всех газетах «Кроу-Пресс».

— Он не возражал?

— Я ожидал, что он будет возражать, поскольку это первый случай, когда мистер Кроу сообщает о своих передвижениях. Я даже придумал, что соврать ему тогда. Но врать мне не пришлось, поскольку он был послушным, словно ягнёнок. Действительно, это ведь была новость для печати, а я раньше сообщал ему уже много таких, да и он сам получил подобную информацию. Что скажешь на это?

— А откуда он получил свою информацию? От секретаря Барбона?

— Ничего подобного. Из замка Гай нет никаких вестей. Он получил её из Лондона. Но вот кто её прислал?

— Лондонская редакция?

— Вряд ли. Мистер Бамф, наш генеральный директор, сейчас в Америке, заключает новые контракты. Я не верю, что Кроу поручил Лондону сообщить об этом ещё до того, как его похитили студенты. Нет, эта информация исходит не от него... Тут замешан кто-то ещё. И этот кто-то хочет, чтобы все считали, что мистера Кроу сейчас нет в стране.

Джейки скорчил скептическую гримасу.

— Ты слишком много фантазируешь, Дугал. Твоя голова забита этим Кроу, и ты из всего готов сочинить мелодраму. Лучше будь другом и закажи мне завтрак. Я буду готов через двадцать минут.

Джейки умыл лицо в шатком сооружении из дерева и олова, которое гостиница предлагала своим постояльцам, и был занят бритьём, когда вернулся Дугал.

— Чем раньше мы окажемся в замке, тем лучше, — присев на кровать, сказал он с видом таким, будто это банальное замечание было следствием длительных и напряжённых размышлений. — Чем больше я думаю об этом деле, Джейки, тем меньше оно мне нравится. Может, я и не очень хорошо отношусь к Кроу, но всё-таки он мой начальник, и против конкурентов я сражаюсь на его стороне. По сравнению с этими шакалами, Кроу вполне приемлем. Но я хочу понять, чего опасаются люди в замке? Понятно, что они боятся журналистов, и это правильно — такие аллигаторы, как этот Тиббитс, смертельно опасны. Люди в замке потеряли след Кроу, и хотят держать это в секрете, пока снова его не найдут. Всё это правильно. Но почему, чёрт возьми, они забаррикадировали брёвнами ворота у сторожки?!

— Чтобы журналисты не прорвались внутрь на автомобилях или мотоциклах? — предположил Джейки, приглаживая свои непослушные волосы.

— Но в этом нет никакого смысла! Баррикады в воротах как раз и сообщают журналистам те новости, которых они так жаждут: «Дом мистера Кроу находится на осадном положении». Ты только представь, какой простор это открывает для крикливых заголовков, типа: «Необычные меры предосторожности в замке Гай!». Барбон и остальные знают о газетных уловках всё, и мы можем быть уверены, что они не стали вдруг за ночь все поголовно идиотами... Нет, друг мой Джейки, они боятся чего-то большего, чем просто журналистов, и боятся смертельно! И чем раньше мы узнаем, чего именно они боятся, тем будет лучше для Кроу, да и для нас. Так что, я даю тебе двадцать минут на завтрак, а потом мы отправимся в путь. Мы проникнем в парк снова у моста через ручей, как прошлой ночью.

Это осеннее утро выдалось туманным, что предвещало тёплый полдень. Лес, через который они ехали, кишел фазанами, отстреливать которых было некому, поскольку арендатор замка ни разу не держал в руках оружия. По дороге наши друзья не встретили никого, кроме одного старика с киркой в руках, долбящего камни в неприметном дворике. Друзья снова спрятали велосипеды в кустах и, убедившись, что никто за ними не следит, проникли в парк, спрыгнув с моста в папоротники. На этот раз темнота их уже не защищала, поэтому идти через лужайку вдоль ручья они не рискнули. Вместо этого они извилистым маршрутом пошли по лощинам, заросших орхидеями, незаметных даже с возвышенностей. От возможных наблюдателей на шоссе их защищала стена парка.

Дугал шагал быстро и целеустремлённо, словно собака, спешащая по следу. Охоту к праздным разговорам он растерял, также не выказывал желания рассуждать на темы возвышенные или мирские. Джейки сохранял присущую ему отстранённость. Похоже, он не воспринимал приключение со всей серьёзностью, и был не слишком озабочен тайнами, которые переполняли голову Дугала. Он наслаждался звуками и ароматами октября в этом лиственном раю, сочетающим в себе очарование низин и высокогорья. Утренний туман всё ещё скрывал серебристой дымкой камыш, траву и вереск, но при свете утра стали заметны детали, которые скрывала от взгляда ночь. Например, обнаружилось небольшое озерцо, кишасщее рыбой, соединённое камышовой протокой с ручьём Гэллоу. Из чащи выскочило несколько пятнистых ланей, где-то вдалеке протрубил олень.

Главное здание поместья открывалось им под несколько иным углом, чем накануне. Теперь они смотрели на него с возвышенности, поэтому садовая терраса была видна целиком. Они заметили двух садовников, стригущих траву вдоль клумб, и столбы дыма, поднимающиеся из каминных труб вертикально в небо, придавая картине ощущение обыденной, повседневной жизни. Друзья стояли за стволом корявого, раскидистого дуба, вероятно, растущего здесь с тех времён, когда замок был крепостью и вдоль ручья на закованных в сталь конях ездили средневековые рыцари.

Дугал из-под ладони внимательно осмотрел каждую деталь ландшафта.

— Надо пройти вперёд, — сказал он. — Если нас кто-то остановит, мы скажем, что у нас есть письмо от мистера Кроу для его секретаря Барбона. Это имя станет для нас чем-то вроде пропуска. Но надо постараться, чтобы нас не заметил Тиббитс. Думаю, сейчас он завтракает в Портоуэе — должен же он когда-нибудь есть, если каждую ночь прячется здесь. Мы не должны...

Дугал не договорил, поскольку в этот момент из травы к его ногам, едва не сбив его, выскочили два животных самого странного вида — очевидно, это были собаки, но такой породы, которую Дугал никогда не встречал. У них были большие лобастые головы, глубоко посаженные трагические глаза и коротенькие ножки, которые они, казалось, были не в состоянии полностью контролировать. Оказавшись у ног Дугала, они плюхнулись на животики и изошли слюнями, пока он безуспешно пытался уклониться от их приставаний.

Затем, к очередному удивлению наших друзей, сверху раздался голос — властный и молодой. Голос сказал: «Прочь, Думка! Фу, Галант!» — а затем добавил уже более мягко: «Что вы здесь делаете?».

Последняя фраза, очевидно, была адресована уже нашим искателям приключений. Оба они посмотрели наверх, и там, среди листвы, наполовину жёлтой, наполовину ещё зелёной, в развилке ствола одного из деревьев они, к своему изумлению, увидели девушку.

Между ветвями было видно только её лицо, а всё остальное было скрыто листвой — за исключением одной болтающейся в воздухе ноги с несколько потрёпанным ботинком на ней. Взгляд девушки было серьёзным, укоризненным и слегка подозрительным. Лицо было красивое: слегка загорелое, не лишённое веснушек, с копной золотисто-рыжих волос. Глаза были голубые и строгие. Щенки бигля, закончив подлизываться к Дугалу, предпринимали теперь неэффективные попытки вскарабкаться по его ноге.

— Как ты туда залезла? — удивился Джейки. Он был специалистом по лазанию по деревьям и заметил, что ствол дерева, на котором сидела девушка, был высоким и почти лишённым сучьев.

— Довольно легко, — сказала она в ответ. — Я лазила по деревьям и повыше. Но вопрос не во мне. Что вы здесь делаете?

— А ты кто?

— У меня есть разрешение гулять в парке, если вы об этом. У меня даже есть ключ от ворот. А вот вы — явные нарушители, и если мистер Маккиллоп вас поймает, то ужасно разозлится.

— Мы не нарушители, — отрезал Дугал. — Мы несём письмо от мистера Кроу к мистеру Барбону. Оно у меня в кармане.

— Это правда? — взгляд девушки стал скептическим и слегка настороженным.

Вместо ответа Дугал вытащил письмо из внутреннего кармана куртки.

— Вот оно. «Достопочтимому Фредерику Барбону». Можешь спуститься и сама взглянуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.